10
Г 15
Галактионов
Марков
сражение
1938

10
Г 15

М. ГАЛАКТИОНОВ

МАРНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

ВОЕНИЗДАТ · 1938

10
Г15

ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
М. ГАЛАКТИОНОВ

МАРНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

2177/5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1938

3.Эуд

М. ГАЛАКТИОНОВ

„МАРНСКОЕ СРАЖЕНИЕ“

В кратком очерке автор рисует картину грандиозного Марнского сражения 1914 г. Автор разоблачает легенду германского фашизма о случайности поражения немцев на Марне. Поражение их здесь было не только стратегическим, но и тактическим, что случайностью и „чудом“ никак не объяснишь.

Книга предназначена для командного и начальствующего состава РККА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

599457

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Фашистская легенда о Марне	3
Марш к Парижу	4
Канун Марны	8
Фронт на р. Урк	13
Контрманевр Клука	17
Удар с юга	19
Марш 3-го и 9-го корпусов	21
Марнская брешь	24
Наступление союзников к Марне 6—8 сентября	26
Утренняя атака прусской гвардии 8 сентября	29
2-я германская армия под действием центробежных сил	34
5-я французская армия охватывает правое крыло 2-й германской армии	38
Остановка германского наступления восточнее Марны	41
Германское главное командование в Марнском сражении	44
Приказ об отступлении 2-й армии	48
Хенч в штабе 1-й армии	52
Приказ об отступлении	54
Утро 9 сентября на Марне	56
Крах контрманевра Клука	58
Левое крыло союзников 9 сентября	60
Катастрофическое положение германских армий после Марны	65
Преследование 10—15 сентября 1914 г.	70
Причины поражения германских армий на Марне	74
Некоторые выводы оперативно-тактического порядка	76

ФАШИСТСКАЯ ЛЕГЕНДА О МАРНЕ

9 сентября 1914 г. германский империализм потерпел поражение на Марне. Оно предрешило переход к затяжной позиционной войне, закончившейся разгромом германской армии в 1918 г. Казалось, этот тяжелый урок должен бы послужить суровым предостережением поджигателям новой войны в современной фашистской Германии. В действительности мы видим обратное: ничему не научившись и все позабыв, руководители германского фашизма влекут немецкий народ на путь новых военных авантюр и прилагают все усилия, чтобы замазать и исказить правду о войне 1914—1918 гг. Фашистская официальная «история» мировой войны, издаваемая «Рейхсархивом», служит этим целям фашистской пропаганды. Вместо научного анализа в ней преподносятся весьма тонко сработанные и искусно отделанные легенды о таких важнейших сражениях мировой войны, как Марна, Верден и другие. Распутать эту паутину лжи далеко не так просто; по внешности здесь имеется все, что полагается научно-историческому труду: детальное изложение событий, тщательная запись фактов в строгой хронологической последовательности и т. д. Фашистские «историки», сохраняя видимость объективности, сосредоточивают свое внимание на основных узлах, где и дают полную волю своей фантазии и изобретательности. Так скомпанован в частности IV том «Рейхсархива», освященный Марнской битве.

Чтобы спасти лицо германской армии, составители этого тома настойчиво проводят мысль, что тактически германские войска всюду на Марне одержали победу и отход был вызван недоразумениями по линии оперативно-стратегического руководства армиями. В действительности же, даже используя другие немецкие источники, не-

трудно усмотреть, что немцы потерпели и тактическую неудачу на Урке, у Эстерней, восточнее Сен-Гондских болот и т. д.

Чтобы спасти лицо высшего германского командования, «Рейхсархив» выставляет в качестве козла отпущения злополучного полковника Хенча. Командующий 2-й германской армией Бюлов также приносится в жертву этому спасению, но зато возвеличивается Клук, командующий 1-й армией. Паралич руководства сражением со стороны главного командования объясняется болезнью и старостью Мольтке.

Чтобы спасти лицо германского империализма, вступившего в войну без должной подготовки, без правильного учета реальных соотношений сил и по плану войны, который провалился на Марне, создается видимость, что по сути дела основной расчет был верен, и провал объясняется случайностью и деталями. В действительности же шлиффеновский план был построен на просчетах, совершенно независимо от того, какая вариация его воплотилась в жизнь в 1914 г.

Затемняя истину, германский фашизм стремится создать иллюзию полной возможности победы в будущей войне, если устранить отдельные частные недочеты, приведшие в 1914 г. к поражению. Этим занята в частности современная фашистская военная пресса.

Разоблачить данную фашистскую пропаганду — значит в первую голову установить истину в отношении Марнской битвы. В настоящей брошюре мы попытаемся дать краткое изложение выводов, основанных на более обстоятельном исследовании, данном в другой нашей работе («Темпы операции»).

МАРШ К ПАРИЖУ

(Схема 1)

В начале сентября 1914 г. германские армии, овладев Бельгией (кроме Антверпена) и разбив французов и англичан в пограничном сражении, неудержимо двигались к Парижу, преследуя отступавших перед ними союзников. В германском генеральном штабе исход гигантской схватки считали уже предрешенным. Начальник оперативного отдела полковник фон-Таппен заявлял, что

«в шесть недель все дело будет закончено». Начальник германского генерального штаба Мольтке, в руках которого фактически находилось командование всеми германскими армиями, настолько был уверен в том, что победа уже одержана, что приказал снять два корпуса из состава наступающих армий и направить их на Восточный фронт, где наступление русских армий создавало опасное положение. В директиве Мольтке от 27 августа ставилась задача наступать на Париж. 1-я армия, двигавшаяся на правом фланге, должна была выйти западнее Парижа, 2-я армия — на Париж, 3-я — на Шато-Тьери, 4-я — через Реймс на Эпернэ, 5-я — на линию Шалон, Витри-ле-Франсуа. Эти пять армий входили в состав обходящего правого крыла, который совершал, по германскому плану войны, захождение правым плечом вокруг оси Тионвиль (Диденгофен), Верден. Армиям левого крыла, действовавшим в Эльзас-Лотарингии, ставилась задача прорыва укреплений на Мозеле, между Тулем и Эпиналем.

Таким образом, внешне дело обстояло превосходно. Основная идея шлиффеновского плана — глубокий обход левого фланга французских армий путем мощного удара через северную Бельгию, с последующим окружением их путем захождения немецкого правого крыла западнее Парижа, — казалось бы, блестяще реализовалась. Но в действительности уже в тот момент, когда Мольтке отдавал свою директиву, т. е. 27 августа, германские армии двигались не так, как ему представлялось, а в дальнейшем в этом движении произошли изменения, предрешившие невыгодную стратегическую обстановку для германских войск на Марне.

Грандиозный марш захождения миллионной массы германских армий на громадном пространстве представлял собой в высшей степени сложный маневр. Требовалось очень четкое и умелое руководство, чтобы сохранить единство и согласованность действий пяти германских армий, наступавших западнее линии Тионвиль, Верден. Необходимо было обеспечить перевес сил на правом крыле, так как именно ему, по замыслу Шлиффена, принадлежала решающая роль. Вот почему Шлиффен требовал, как известно, чтобы правое крыло было сильным.

Однако, был еще один момент, который, как показали события, был недоучтен германским генштабом и Шлиффеном в частности. Задуманный грандиозный ма-

невр не шел ни в какое сравнение с операциями минувших войн. Чтобы выполнить его, правофланговая армия должна была продвинуться от германо-бельгийской границы до Парижа по дуге около 400 *км* длиной. Она должна была двигаться быстрее армий, наступавших рядом с ней, и во всяком случае не отставать от них; только в таком случае она смогла бы выполнить свою задачу и стать ведущей силой маневра. Но так как все германские армии развернулись в одну линию, с самого начала возникало искушение подменить маневр простым фронтальным наступлением, без переноса центра тяжести на правый фланг. Миллионная масса, осуществлявшая наступление, была слишком тяжеловесна, и вопрос об ее подвижности, а в особенности подвижности правофланговой армии, был центральной проблемой всего маневра. Чтобы осуществить шлиффеновский маневр, правое крыло должно было быть не только сильным, но и высокоподвижным. Выдвижение на поле сражения миллионных масс современных армий требовало применения новых высокоподвижных средств маневра. Железные дороги отчасти разрешали эту проблему, но не до конца, так как для движения от станций высадки по плану развертывания пехота могла рассчитывать лишь на свои собственные ноги.

Уже в приграничном сражении стройность и единство в движении пяти германских армий нарушились. Германский центр — 4-я и 5-я армии — выпятился вперед, увлекшись преследованием разбитых французов. Правое крыло — 1-я и 2-я армии, преодолевавшие водную преграду р. Самбры, оказались оттянутыми назад. Сражение на Маасе (23—28 августа) еще более усилило передвижку центра тяжести германского наступления к востоку, вызвав отклонение движения также и 3-й германской армии на юго-восток вместо юго-запада. 1-я и 2-я армии, продолжавшие свое движение на юг на правом фланге, оказались оторванными от остальной массы войск фронта захождения. 29 августа 2-я армия была внезапно атакована французами в районе Сен-Кантен, Гиз. Командующий 2-й армией Бюлов призвал Клука на помощь. Последний еще колебался изменить направление своего движения, но на другой день Клук уже вынужден был принять решение, сыгравшее роковую роль в исходе германского наступления.

И по шлиффеновскому плану, и по директиве Мольтке 27 августа, 1-я германская армия должна была выйти западнее Парижа, чтобы обойти его и оказаться в тылу французских войск, которые, как предполагалось, будут скованы другими немецкими армиями у северо-восточной границы. Самый Париж был бы атакован или обложен. Но германский генеральный штаб недоучел всей сложности задачи, возлагаемой на правое крыло и 1-ю германскую армию в частности. К 29 августа 1-я германская армия перешла р. Сомму и вышла на линию Вильер-Бретоне, Пруайер, Нель; французских войск перед ней не было; путь движения на юг был открыт. До Нижней Сены оставалось еще около 100 *км*. Но в этот момент исход всего маневра был предрешен тем, что 1-я германская армия уже не была его ведущей силой. Она должна была двигаться впереди прочих германских армий; должна была не только догнать, но и опередить союзников, которые быстро уходили на юг. В действительности не получилось ни того, ни другого. Центр тяжести германского наступления был теперь вовсе не на правом фланге, а в центре, куда сдвинулась главная масса германских войск. 1-я армия была изолирована и отстала в оперативном смысле. Клук не решился в этих условиях продолжать движение на юго-запад и повернул на юго-восток. Мольтке утвердил это решение, вызванное логикой развития событий.

Решающую причину этого отказа от осуществления шлиффеновского плана следует видеть не только в недостатках руководства высшего командования, но также и в том, что 1-я армия не обладала достаточной мощностью и в особенности достаточной подвижностью, чтобы совершить грандиозный марш от границы вокруг Парижа и в тыл французам, да притом совершить его с опережением союзников. Шлиффен и его последователи недоучли разницы между старыми «Каннами», разыгравшимися на пространстве нескольких квадратных километров, и современными «Каннами», где поле сражения измеряется сотнями квадратных километров. Современная война, с ее новыми масштабами, требует и иных средств боя и маневра.

Повернув на юго-восток, 1-я армия перешла р. Уазу и, продолжая свое движение, стала даже пересекать путь движения несколько отставшей 2-й армии. Теперь все пять германских армий сомкнутой, но недостаточно ор-

ганизованной массой продолжали двигаться на юг, преследуя союзников. Они не встречали почти никакого сопротивления. Однако, перед германским главным командованием неизбежно вставал вопрос, что делать дальше. Директива от 27 августа оказалась в полном разноречии с действительностью. Какую цель могло поставить теперь перед собой германское главное командование? Двигаться дальше за Сену? Но союзники могут совершенно безнаказанно отходить в глубь страны. Что еще хуже, они могут организовать контрманевр. Глухие намеки на него стали доходить до германского генерального штаба. Мольтке весьма опасался за свои сообщения в Бельгии. Но в особенности его опасения вызывал Париж. Как быть с этим городом-гигантом, сердцем Франции, отчасти и крепостью, который доставил столько трудностей германцам даже после победоносной кампании 1870 г.? Париж оставался теперь, вопреки плану войны и директиве 27 августа, на фланге движущихся на юг германских войск. Против Парижа следовало по крайней мере выставить заслон. 2 сентября Мольтке отдает распоряжение Клуку, что на 1-ю армию возлагается обеспечение правого фланга германского расположения со стороны Парижа. Однако, вскоре к Мольтке стали поступать новые данные о переброске французских частей с востока на запад и сосредоточении сил противника в районе Парижа. Результатом этих изменений в обстановке явилась директива Мольтке от 4 сентября.

В этой директиве содержался окончательный отказ от шлиффеновского плана. 1-я и 2-я армии должны повернуться фронтом к Парижу и стать: 1-я армия — между Уазой и Марной, 2-я — между Марной и Сеной. 4-я и 5-я армии должны продолжать преследование в юго-восточном направлении, а 6-я армия прорываться через Мозель между Тулем и Эпиналем. 3-я армия получила направление на Труа, Вандёвр.

КАНУН МАРНЫ

(Схема 2)

В приграничном сражении союзные англо-французские войска потерпели жестокое поражение. Глубокий обход крупными массами германского правого крыла через

северную Бельгию оказался неожиданностью для французского главного командования, которое было совершенно не осведомлено о вводе немцами в боевую линию резервных корпусов. Генерал Жоффр отдал приказ об отступлении и стал принимать поспешные меры к созданию на левом своем фланге новой войсковой группы, способной задержать стремительное движение германских правофланговых корпусов. Созданная в результате 6-я армия, под командованием генерала Монури, после ряда неудачных столкновений с 1-й германской армией получила приказ отойти к Парижу. Прочие армии: английская, 5-я, 9-я, 4-я и 3-я, отходили на пространстве от Парижа до Вердена. 2 сентября Жоффр приказал им отступать за р. Сену, что означало оставление Парижа и Вердена. Однако, командующий 3-й армией генерал Саррайль «саботировал» выполнение этой директивы и упорно цеплялся за Верден.

Между тем во французской главной квартире с начала сентября стали получаться сведения, что правофланговая германская армия приостановила свое движение на юг, к западу от Парижа, и движется на юго-восток, восточнее Парижа. Вечером 1 сентября была найдена у пленного немецкого офицера карта, свидетельствовавшая о том, что вся 1-я германская армия уже перешла через р. Уазу. 3 сентября генерал Монури донес, что 1-я германская армия движется северо-восточнее Парижа, направляясь к Марне и не обращая никакого внимания на французские силы, которые были сосредоточены севернее Парижа. В 21 час эти же сведения, на основании данных авиационной разведки, подтвердил генерал Галлиени, губернатор Парижского укрепленного района. Ситуация стала, таким образом, выясняться.

После отхода англичан и 5-й французской армии за Марну союзные армии образовали своим расположением широкий полукруг, упиравшийся обоими своими концами в крепости Париж и Верден. В этот «карман» устремлялись пять германских армий, над обоими флангами которых нависали две указанные крепости. Идея охвата германских армий с флангов носилась, можно сказать, в воздухе. В действительности дело обстояло далеко не так просто, как это кажется теперь. Оба войска — германское и союзное — были в непрестанном движении; обстановка все время менялась. Союзные армии еще не заняли устойчивого расположения: они отступали на Сену, теряя,

таким образом, связь с Парижем и Верденом. В центре им грозил разрыв, если упорствовать и дальше в сохранении этой связи. На обоих флангах не было крупных войсковых масс, способных нанести действительно мощный удар по флангам и в тыл противнику. «Канны» немцам, таким образом, не угрожали, и, наоборот, могло случиться, что союзное войско, раздробленное на части, будет разбито преследующими его германскими армиями.

Если, таким образом, общая обстановка к 4 сентября представлялась все еще сложной и неопределенной, в одном отношении стратегические выгоды перешли бесспорно на сторону союзников. Это вытекало из того положения, которое было к тому времени занято 1-й германской армией. Эта армия уже перешла Марну, вырвавшись впереди общей массы германского войска, и достигла линий Монмирайль, Вертю. 5-я французская армия едва успела при переходе Марны ускользнуть от ее преследования. Прочие германские армии еще не перешли Марны. Таким образом, 1-я германская армия шла изолированно. Париж уже оставался в ее тылу на правом фланге. Уже раньше генералы Монури и Галлиени предлагали ударить силами 6-й французской армии во фланг 1-й германской армии, но Жоффр не дал на это своего согласия.

Однако, в ночь с 3 на 4 сентября он дал распоряжение генералу Монури выдвинуть часть его сил к востоку, чтобы обеспечить левый фланг англичан, отходивших юго-восточнее Парижа. 4 сентября генерал Галлиени отдал самостоятельно приказ 6-й армии о нанесении удара во фланг 1-й германской армии. 4 сентября Жоффр нашел офицеров своего штаба за жаркой дискуссией перед картой, на которой была нанесена обстановка. Клук уходил на юго-восток. Следовало ли немедленно перейти в контрнаступление? Одни высказывались в пользу его, другие рекомендовали не спешить, ввиду того, что французские левофланговые армии ослаблены и пополнения к ним еще не прибыли. Жоффр колебался. В этот момент ему позвонил Галлиени, настаивая на немедленном движении 6-й французской армии по северному берегу Марны, в тыл 1-й германской армии.

Жоффр в 14 часов дал согласие Галлиени, но высказался в пользу наступления 6-й армии по южному берегу Марны, как этого требовали англичане, стремившиеся обеспечить свой левый фланг. Жоффр запросил одновре-

менно мнение Франше-д'Эсперей, только что назначенного командующим 5-й армией, и Фоша, командующего 9-й армией. Оба высказались в пользу немедленного перехода в наступление. В 16 часов была получена телеграмма от Галлиени, в которой он сообщал о договоренности с фельдмаршалом Френчем об участии англичан в наступлении; позднее оказалось, что Галлиени лично с Френчем не виделся. Однако, Жоффр принял решение и приказал разработать приказ, назначив днем наступления 7 сентября. Вечером вновь позвонил Галлиени, настаивая на том, чтобы 6-я армия наступала все-таки по северному берегу Марны, так как он уже отдал соответствующий приказ о начале наступления 5 сентября утром. Жоффр вынужден был дать согласие и изменить дату общего наступления на 6 сентября, так как движение 6-й армии могло позволить немцам разгадать планы французов и сорвать их.

Приказ, отданный Жоффром 4 сентября в 22 часа, гласил: «Необходимо воспользоваться опасным положением 1-й германской армии, чтобы сосредоточить на ней усилия крайнего левого крыла союзных армий». Из этой формулировки видно, что задача общего разгрома всего германского войска французским главным командованием не ставилась. Речь шла прежде всего о нанесении удара по 1-й германской армии. С этой целью 6-я французская армия должна была переправиться через р. Урк и наступать к Шато-Тьери, т. е. в тыл 1-й германской армии. Английская армия, находившаяся юго-восточнее Парижа, должна была наступать между Марной и р. Б. Морэн, фронтом на восток, в направлении к Монмирай, т. е. обрушиться на 1-ю германскую армию с фланга. 5-я французская армия, расположившись к югу от Б. Морэна, под прямым углом к английской армии, должна была наступать фронтом на север также к Монмирай и, следовательно, атаковать 1-ю германскую армию с фронта. В случае успеха 1-й германской армии угрожали окружение и разгром.

Галлиени и Монури, выдвигая идею флангового маневра против 1-й германской армии, не задумывались, да и не могли по самому своему положению представить себе во всей полноте, какие последствия вызовет этот удар на остальных участках фронта.

Французский главнокомандующий представлял себе намеченную операцию в гораздо более широком плане. Он не слишком рассчитывал на успехи 6-й армии, слабость которой ему была известна. Решившись нанести немцам удар со стороны Парижа, он принял меры к консолидации всего фронта расположения союзного войска. Операцию против 1-й германской армии ведут согласованно три армии. 9-я армия должна прикрывать правое крыло 5-й армии, удерживая выходы из Сен-Гондских болот и выдвинув часть своих сил на плато севернее Сезана. Дополнительно было указано 4-й армии дать отпор противнику вдоль Марнско-Рейнского канала, а 3-й атаковать левый фланг неприятельских сил западнее Аргонн. Таким образом, все союзные армии между Парижем и Верденом должны были принять участие в наступлении, которое было назначено на утро 6 сентября.

Еще важнее были меры, принятые Жоффром для переброски сил с востока на запад. Уже 31 августа из состава 4-й армии был выделен для направления в 6-ю армию 4-й корпус. Согласно директиве от 4 сентября, из 2-й армии на усиление 3-й армии направлялся 15-й корпус, а из 1-й армии в 4-ю — 21-й корпус (этот корпус временно оставался в распоряжении Жоффра). Кроме того, из переброшенных с восточного крыла кавалерийских дивизий был создан кавалерийский корпус Конно, включенный в состав 5-й армии. В результате этих и других мероприятий на фронте от Парижа до Вердена, где разыгралось, собственно, Марнское сражение, у союзников оказалось 56 пехотных и 9½ кавалерийских дивизий против 44 пехотных и 7 кавалерийских германских дивизий. Численное превосходство было еще разительнее на участке Эстернэ, Куломье, Сенли, где 23 пехотных и 7½ кавалерийских дивизий должны были наступать против 10 пехотных и 3 кавалерийских дивизий 1-й германской армии.

Сражение 6—9 сентября происходило в бассейне р. Марны. Протяжение поля сражения от Парижа до Вердена около 250 *км*. Характер местности — равнинный на западе, с небольшими возвышенностями и многочисленными рощами в центре; к востоку от р. Марны — возвышенные и лесистые плато. В целом район благоприятствовал маневрированию крупными войсковыми массами. Рассматриваемая местность перерезана многими реками и речками, пересекающими ее преимущественно парал-

лельно фронту. Многочисленные постройки, рощи и холмы имели серьезное тактическое значение в происшедших боях.

В отношении тыла союзники находились в лучших условиях, чем немцы. В частности в их распоряжении имелось несколько рокадных железнодорожных линий, тогда как переброски в тылу германских армий были сильно затруднены. Союзники имели в тылу неразрушенную сеть телеграфной и телефонной связи, в то время как немцам пришлось восстанавливать разрушенные линии связи или проводить их заново.

ФРОНТ НА Р. УРК

(Схема 2)

Марнская битва происходила не так, как было намечено в плане французского главного командования. Основная идея последнего — удар со стороны Парижа во фланг немцам, окружение 1-й германской армии и разгром ее, — правда, сыграла свою роль в ходе сражения, но в целом это сражение вышло за рамки первоначального плана. Оно оказалось более сложным; в ходе этого сражения изменялся его характер. Это вполне понятно, так как само сражение, в которое были брошены громадные массы войск, оказалось разбитым на несколько отдельных сражений — на р. Урк, на Б. и М. Морэнах, у Сен-Гондских болот, на Марнско-Рейнском канале и у Вердена. Боевые действия на каждом из этих участков оказывали влияние друг на друга, и конечный результат сражения получился совершенно не тот, какой намечался по первоначальному замыслу.

6-я французская армия, находившаяся северо-восточнее Парижа и начавшая с утра 5 сентября движение на восток, имела в своем составе 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии, большая часть которых принадлежала к резервным формированиям. Дивизии были утомлены переходами. Рассчитывать на то, что 6-я армия могла нанести решающий удар противнику, было мало оснований. Однако, перед нею, повидимому, не было крупных сил противника, так как 1-я германская армия, по имевшимся данным, находилась уже южнее Марны. Следовательно,

она имела все основания считать, что ей удастся забраться глубоко в тыл немцам, к Шато-Тьери, примерно раньше, чем германское командование сможет на это реагировать. Расчет был основан на внезапности. Если взглянуть на положение дел с германской стороны, то сила угрозы со стороны 6-й французской армии измерялась тем, как быстро удалось бы распознать опасность и принять меры к парированию ее. Получит ли командование 1-й германской армии в свое распоряжение такое время или 6-я французская армия успеет выполнить свою задачу?

В действительности получилось нечто непредвиденное. Уйдя за Марну, 1-я германская армия оставила севернее Марны заслон в виде 4-го резервного корпуса. Следуя 5 сентября утром в направлении к югу, командир этого корпуса генерал Гронау получил сведения о скоплении французов в районе северо-восточнее Парижа и в 12 часов 30 минут принял решение атаковать их с целью выяснения обстановки. В 13 часов раздались первые выстрелы— Марнская битва началась; началась почти на сутки раньше, чем намечало французское главное командование. Бои, разыгравшиеся на участке наступления 4-го германского резервного корпуса, показали генералу Гронау, что он имеет дело с крупными силами противника; поэтому ночью он принял решение отойти за ручей Теруан.

Французы движутся следом за немцами, но медленно и осторожно. Когда на другой день, 6 сентября, они атакуют немцев, 4-й резервный корпус уже усилен частями 2-го германского корпуса, переброшенного на правый фланг армии. В дальнейшем обе стороны выдвигают новые части на этот участок Марнской битвы, нейтрализуя друг друга, и в течение 6—8 сентября западнее р. Урк складывается фронт, не сдвинувшийся с места за указанное время.

Сделаем краткий обзор этого фронта и явлений, обнаружившихся на нем, так как обстановка, сложившаяся здесь, оказала сильнейшее воздействие на весь ход Марнской битвы.

Сражение на р. Урк характеризовалось с немецкой стороны последовательным вводом и перемешиванием частей 2-го, 3-го и 9-го корпусов. 7 сентября командование всеми германскими частями западнее р. Урк было возложено на генерала Линзингена (командир 2-го корпуса), разделившего подчиненные ему войска на три группы: северную, под командованием Сикста-Армина (командир

3-го корпуса), — в составе 7-й и 4-й пехотных дивизий, 16-й пехотной бригады и 4-й кавалерийской дивизии; эти части заняли участок вдоль дороги Бетц, Аси; центр, под командованием генерала Гронау, — 4-й резервный корпус, 15-я пехотная бригада; южную, под командованием генерала Тросселя, — 3-я пехотная дивизия.

Задачей последней дивизии, прибывшей на северный берег Марны утром 6 сентября, была оборона д. Варед, находившейся на левом фланге фронта на р. Урк. После своего прибытия части 3-й дивизии выдвигаются на высоты западнее деревни (выс. 107 и 115) и, залегши вдоль идущей здесь проселочной дороги, выдерживают ожесточенные атаки французских частей (5-я группа резервных дивизий, в которую входили 55-я и 56-я резервные дивизии и 45-я дивизия). 11 батарей, расположившихся у выс. 114, содействуют своим огнем отражению атаки. В течение 7 сентября африканские части французов атакуют левый фланг немцев (у выс. 107), но также без успеха. Обе стороны, неся крупные потери, залегли в окопах, разделенных друг от друга пространством в 200—1 000 *м*. Ожесточенная бомбардировка продолжается с обеих сторон. Утром 8 сентября, в связи с осложнившейся общей обстановкой, части 3-й дивизии покидают д. Варед, однако, французы продолжают оставаться на своих позициях.

В центре, левее Аси, в это время фронт удерживают поредевшие и измученные части 4-го резервного корпуса. Неоднократно французы (части 5-й группы резервных дивизий и 7-го корпуса) угрожают прорвать его расположение, и лишь огонь мощного артиллерийского кулака (артиллерия 2-го, а затем и 4-го корпусов, всего 24 батареи, 138 орудий) спасает положение. К утру 7 сентября на участке французов образовалась брешь, куда направляется 15-я бригада прибывшего на поле битвы 4-го корпуса; части этой бригады с большими потерями удерживают фронт.

В 20 часов зуавы и французы врываются в Этрепильи (севернее Вареда), откуда немцы после ожесточенного боя уходят ночью к востоку. С утра 8 сентября ожесточенность французских атак возрастает. По свидетельству французского источника, «артиллерия с обеих сторон продолжает свое разрушительное действие с методичностью и регулярностью, схожими с позиционной войной». На поддержку совершенно разбитым частям 4-го германского

резервного корпуса выдвигается 5-я дивизия 3-го корпуса, подошедшего к фронту на р. Урк. Командир 14-й резервной пехотной бригады генерал Винсковский в следующих выражениях характеризовал состояние его частей. «Там,— докладывал он командиру 9-й дивизии,— впереди, вы видите наши пехотные окопы. По большей части вы найдете там одни лишь трупы. Мы превращены в шлак. Из офицеров этого полка все до последнего убиты или небоеспособны».

Столкнувшись в мертвой схватке вдоль дороги — выс. 107, Этрепильи, Аси, обе стороны пытаются вернуть себе свободу маневра путем охвата северного фланга противника. Здесь разыгрывается ряд встречных боев, в результате которых фронт обнаруживает тенденцию к выпячиванию дальше к северу. С утра 6 сентября части 7-го французского корпуса (14-я и 63-я дивизии) овладевают, было, Аси и даже выдвигаются восточнее к Этавиньи, но контратака трех полков подошедшей 4-й германской дивизии, наступавших в развернутом строю на манер старых боевых порядков, выбивает их из Аси.

7 сентября генерал Монури предпринимает новую попытку продвинуться к востоку, выдвинуть на левый фланг свой последний резерв, 61-ю дивизию, а также кавалерийский корпус Сорде. Но наступление наталкивается на свежие части подошедшего 4-го германского корпуса (кроме 15-й бригады). В развернувшихся боях активное участие с обеих сторон принимает артиллерия. Французы остановлены, но немцы не могут перейти дороги Бетц, Аси, вдоль которой залегает измученная пехота. На ночь оставлять ее здесь нельзя, и немцы отходят восточнее этой дороги, где ночью 15 батальонов, примкнувших друг к другу, с лихорадочной поспешностью роют окопы.

Генерал Монури, в течение 7 сентября уже получивший сведения от авиаразведки о движении всей 1-й германской армии к Урку, предпринимает 8 сентября последнюю попытку обойти правое крыло противника, но вновь неудачно. Только 5-й кавалерийской дивизии удается проникнуть в тыл противника, перейдя р. Урк; столкнувшись с немецкой пехотой, она возвращается на северный берег реки. Вечером 8 сентября генерал Монури приказывает своей армии перейти к обороне. Немцы в течение 8 сентября не атакуют, оставаясь на своих позициях. Лишь артиллерия ведет огонь с прежней ожесто-

ченностью. По свидетельству немецкого источника, «бушующая битва вылилась преимущественно в артиллерийский бой с обеих сторон».

Итак, 4 дня прошли на фронте р. Урк бесплодно для обеих сторон. 6-я французская армия оказалась слишком слабой, чтобы выполнить поставленную ей задачу. Попытки немцев опрокинуть противника также не дали результатов. По обе стороны стихийно возникали окопы. Артиллерия уже показала свою растущую мощь, в особенности с немецкой стороны. Части 1-й германской армии вводились в бой порознь; к тому же они разбрасывались по всему фронту. Лишь 9 сентября подошел последний 9-й корпус 1-й армии.

Почему же корпуса 1-й армии вводились в бой постепенно? Почему вся 1-я армия не обрушилась сразу на ослабленного противника? Мы переходим теперь к передвижениям 1-й армии и ее частей в тылу фронта на р. Урк.

КОНТРМАНЕВР КЛУКА

(Схема 2)

Как мы помним, еще 2 сентября 1-я германская армия получила указание от германского главного командования взять на себя охрану правого фланга германского фронта со стороны Парижа. По приказу Клука, 4 сентября, в 21 час 15 минут 4-й резервный корпус был оставлен севернее Марны; 2-й корпус удержан на Б. Морэне в районе Куломье; остальные корпуса продолжали движение на юг. В 7 часов 15 минут 5 сентября было получено радио германского главного командования с указанием, что 1-я армия должна повернуться фронтом к Парижу между Уазой и Марной. Но Клук считает угрозу со стороны Парижа недостаточно актуальной в данный момент; по его мнению, необходимо отбросить сначала англо-французов за Сену, а уж потом окружить Париж. Однако, в течение дня поступили сведения, подтверждающие скопление сил противника в районе Парижа. В 14 часов прибыл из главной квартиры подполковник Хенч, изложивший устно директиву германского главного командования 1-й армии начать отвод частей 1-й армии к северу от Марны, но произвести его постепенно, поэшелонно. По приказу от 5 сентября, в 23 часа 2-й корпус отходит

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

на Марну, 4-й — в район Дуэ, 3-й — в Ля Фэртэ-Гоше; 9-й остается на месте в районе Эстернэ.

Уже в 17 часов 45 минут 5 сентября авиаразведка сообщила, что 4-й резервный корпус ведет бой с противником, наступающим со стороны Парижа. Этому сообщению в штабе 1-й армии не придали значения. Лишь около полуночи, когда приказ на 6 сентября уже был отдан войскам, было получено донесение от командира 2-го корпуса о том, что 4-й резервный корпус наткнулся на превосходные силы противника и отходит за ручей Теруан. Командование 1-й армии начинает осознавать угрозу со стороны Парижа, но она все еще кажется ему не слишком опасной.

«Рейхсархив», на основании свидетельства самого Клука в 1925 г., сообщает, что в ночь с 5 на 6 сентября командующий 1-й армией будто бы отдал приказ: «Тотчас же 1-я армия направо, быстро развернуться вправо, наступать через Урк. Передвинуть обозы». Иными словами, вся 1-я армия сразу должна была круто переменить свой фронт и выстроиться против врага, наступающего со стороны Парижа. В действительности такого приказа отдано не было. Клук ограничился лишь тем, что в полночь с 5 на 6 сентября дал распоряжение одному лишь 2-му корпусу «как можно быстрее» итти на поддержку 4-му корпусу, перейдя через р. Марну. Уже после отсылки приказа в штаб армии прибыл задержавшийся в пути офицер из 4-го резервного корпуса с подробным донесением о бое 5 сентября.

Получив приказ, командир 2-го корпуса генерал Линзинген немедленно же поднимает на ноги свои дивизии. Артиллерия 3-й дивизии высылается вперед. Около 11 часов 3-я дивизия находится уже в районе Варед, где вступает в бой. 4-я дивизия прибывает к Лизи.

В 9 часов утра 6 сентября штаб 1-й армии переходит в Шарли. Клук лично является на высоты восточнее Лизи. Обзор положения успокаивающе действует на него — боя не слышно. Он считает принятые меры достаточными. Но вскоре офицер связи, посланный Клуком, в корне разрушает его оптимистическое настроение: от Аси до Марны кипит жаркий бой. Авиаразведка доносит об охватывающем движении противника к северу. В 12 часов Клук отдает приказ 4-му корпусу выслать немедленно артиллерийский полк на поддержку 4-му резервному корпусу. В 17 часов последовали новые тяжелые известия с фронта

на р. Урк. В 17 часов 30 минут Клук приказывает 4-му корпусу передвинуться к Марне, в район севернее Ля-Фэртэ-су-Жуар.

В 21 час 4-й корпус выступает из района Дуэ, Ребе и всю ночь форсированным маршем следует за Марну, так как в пути получено новое указание Клука — к утру 7 сентября быть на правом фланге фронта на р. Урк. 8-я дивизия через Ля Фэртэ-су-Жуар идет в северном направлении, но в 22 часа ввиду изменившейся обстановки поворачивается круто на запад. 7-я дивизия следует за 8-й; за ночь и утро она прошла 60 *км*! 7 сентября обе дивизии вступают в бой.

УДАР С ЮГА

(Схема 3)

5 сентября утром 1-я германская армия столкнулась с наступающим противником на своем правом фланге, севернее Марны; 6-го она была атакована — и притом столь же внезапно — превосходными силами противника на своем левом фланге, южнее Марны, где перешла в наступление 5-я французская армия.

6 сентября 9-й германский корпус должен был оставаться в районе Эстернэ. Утром этого дня артиллерия французов внезапно стала обстреливать Эстернэ и северные подступы к местечку. Генерал Кваст, командир 9-го корпуса, приказал обеим своим дивизиям наступать. 17-я дивизия достигла шоссе Курживо, Сезан, но дальнейшее продвижение оказалось невозможным; части окопались и весь день удерживали свои позиции под сильнейшим огнем неприятельской артиллерии. После кровавого боя французская пехота захватила Шатильон (к югу от Эстернэ); противник наступал также с востока на Эстернэ. Северо-восточнее Эстернэ правый фланг 10-го резервного корпуса вел бой в районе Ле-Рекуд.

Части 18-й дивизии, наступавшей справа, вышли на шоссе Курживо, Шатильон и продвинулись на 600—700 *м* к югу от дороги, но здесь были остановлены сильнейшим огнем французской артиллерии. В противоположность этому немецкие батареи, застрявшие в тылу и не знавшие обстановки, не оказали поддержки своей пехоте, которая залегла, истребляемая огнем противника. К 19 ча-

сам начался беспорядочный отход немцев к северу; на правом фланге им, однако, удалось с большими потерями выбить французов из Курживо.

3-й корпус германцев 6 сентября должен был уйти в район Ля Фэртэ-Гоше. Отход уже был начат, когда около 8 часов командир корпуса генерал Лохов получил сообщение о том, что 9-й корпус подвергся сильному нападению. Следуя просьбе командира 9-го корпуса, генерал Лохов приказывает своим дивизиям наступать на юг. Части корпуса продвинулись к дороге Санси, Курживо, но здесь были задержаны огнем неприятельской артиллерии и залегли.

Таким образом, противник атаковал разъединенные силы 1-й германской армии на двух флангах. 1-я армия разбилась на две группы, одна из которых сражалась севернее, другая южнее Марны; между обеими группами возникла брешь. Такое расчленение сил 1-й армии явилось результатом раздвоения оперативного замысла и руководства со стороны командования этой армии. Клук преследовал две противоположные цели: оборонительную (заслон против наступающего противника со стороны Парижа) и наступательную (преследование отступающих к Сене французов).

1-я армия 6 сентября сражалась с наступающим противником в районах, отделенных промежутком минимум в 50 *км*. Оба сражения возникли внезапно, непредвиденно и носили крайне серьезный характер. В 16 часов Клук получил донесение о боях 3-го и 9-го корпусов; в 17 часов 45 минут он подтверждает, что 3-й корпус должен оставаться на занятых позициях, обеспечивая правый фланг 9-го корпуса. В 18 часов он посылает офицера связи к командующему 2-й армией, чтобы установить способ дальнейшего использования 3-го и 9-го корпусов; в случае необходимости 2-я армия, которая продолжает, очевидно, преследование французов, может распологать этими корпусами, отдавая им приказы непосредственно. Но в 19 часов Клук узнает о новой опасности: крупные силы противника движутся к востоку, угрожая открытому флангу 3-го корпуса. Клук просит командующего 2-й армией выдвинуть сюда 7-й и 10-й резервные корпуса и приказывает 2-му кавалерийскому корпусу Марвица воспрепятствовать движению противника в северном направлении. Между тем генерал Бюлов, командующий 2-й армией, получив предложение о подчинении

ему двух корпусов 1-й армии, тотчас же принял его и послал в 22 часа радио в штаб 1-й армии о своем согласии. Это радио было получено, однако, лишь на другой день. Не имея ответа, Клук решил, что положение 3-го и 9-го корпусов слишком опасно, и в 22 часа приказал им отойти к северу, надеясь, что они примкнут, таким образом, к правому флангу 2-й германской армии (7-й корпус); при этом оба корпуса были оставлены в подчинении 2-й армии.

Между тем Бюлов уже отдал приказ на 7 сентября, по которому 3-й корпус должен был прикрывать правый фланг 2-й армии, 9-й же (13-я и 10-я резервные дивизии) резервный корпус — продолжать наступление с линии, занимаемой им 6 сентября. Узнав о приказе Клука 3-му и 9-му корпусам отойти в район Монмирай, Бюлов счел это вмешательством в права командования 2-й армии и был очень удивлен, получив подтверждение о том, что оба корпуса остаются в его подчинении.

Прибывший около 22 часов из штаба 2-й армии офицер связи разъясняет Клуку положение, но командующий 1-й армией не меняет своих распоряжений, да и изменять их к тому же было уже поздно. Брешь внутри 1-й армии сократилась теперь с 50 до 30 *км*, но колебания Клука внесли опасный разброд в действия германских войск правого крыла. Командование 2-й армии вынуждено было отогнуть свой правый фланг на М. Морэн, куда отошел 10-й резервный корпус.

МАРШ 3-го и 9-го КОРПУСОВ

В штабах 3-го и 9-го корпусов полученные в ночь с 6 на 7 сентября противоположные распоряжения Клука и Бюлова вызвали немало сумятицы. Только в 10 часов утра 7 сентября последние части отошли с дороги, где шел бой 6 сентября. Впервые с начала войны дивизии двух корпусов шли назад. Причины отхода частям не были известны, и это подавляюще действовало на них. После полудня оба корпуса перешли М. Морэн, но им не пришлось остановиться здесь, так как в пути были получены новые распоряжения.

Ночью с 6 на 7 сентября в штабе 1-й армии царило уверенное настроение. Казалось, что опасность на Урке парирована полностью. На М. Морэне создавался прочный

фронт. Но утром 7 сентября между 9 и 10 часами Клук получил радио германского главного командования, в котором сообщалось о переходе союзников в общее наступление. Это заставило командование 1-й армии совершенно по-иному оценить положение на р. Урк, куда противник, очевидно, направлял главный удар. В 11 часов Клук посылает радио 2-й армии с просьбой направить оба корпуса на правый фланг фронта на р. Урк. Бюлов соглашается отпустить 3-й корпус, который получает в 11 часов 20 минут соответствующее распоряжение и продолжает свое движение по шоссе Монмирай, Ля Фэртэсу-Жуар, достигнув Марны около 1 часа ночи 8 сентября.

Однако, 9-й корпус Бюлов задержал, возложив на него охрану правого фланга 2-й армии. Весь день 7 сентября вопрос об этом корпусе стоял неопределенно. Клук, видимо, колебался в принятии окончательного решения, но новое обострение обстановки вынудило его к этому. В 10 часов утра передовые части англичан были обнаружены у Куломье. Обоим германским кавалерийским корпусам дается указание удерживать в своих руках течение М. Морэна, но и на Урке положение осложняется. Отмечена выгрузка новых войск противника. От 3-й пехотной дивизии получено сообщение, что она не может больше держаться на своем участке. В 12 часов 15 минут Клук отдает распоряжение 2-му кавалерийскому корпусу оказать поддержку левому флангу армии на р. Урк. Генерал Марвиц, во исполнение этого распоряжения, направил 9-ю кавалерийскую дивизию на Трильпор. В 13 часов 15 минут Клук приказывает 3-му и 9-му корпусам «насколько только возможно» быстрее двигаться на Урк. Но 9-й корпус, получая противоречивые распоряжения, продолжал двигаться к северу.

После некоторого успокоения в штаб 1-й армии стали вновь поступать тревожные сведения. Снова отмечено продвижение англичан, создающее все более серьезную угрозу левому флангу фронта на р. Урк. Одновременно нарастает опасность и на правом фланге этого фронта. Вскоре, после 18 часов 7 сентября, еще одно радио от 1-й армии настоятельно потребовало переброски 9-го корпуса на р. Урк; необходим ввод его в бой уже на следующий день, т. е. 8 сентября. В 19 часов к генералу Квасту прибыл офицер из штаба 1-й армии, который должен был провести корпус к месту его нового назначения.

В 21 час 15 минут Клук отдает приказ на 8 сентября: 2-й, 4-й и 4-й резервный корпуса под командованием генерала Линзингена должны окопаться и удерживаться на месте. Левое крыло от Вареда должно быть отведено на более удобные позиции. На правом крыле должно быть начато наступление по прибытии подкреплений. 3-й и 9-й корпуса должны возобновить движение в 2 часа ночи, чтобы вступить в боевую линию севернее Антильи. 2-й кавалерийский корпус должен обеспечивать нижнее течение Б. Морэна и против Куломье.

17-я и 18-я дивизии продолжали свое движение. Пройдя свыше 40 *км*, они далеко за полночь подходили к Шато-Тьери.

Приказ Клука возобновить поход в 2 часа не мог быть выполнен, так как измученным людям нужно было дать хотя бы минимальный отдых. Движение было возобновлено в 5 часов. 5-я дивизия направилась через Вандрест, имея в виду перейти Урк у Круи. Однако, тяжелое положение 4-го резервного корпуса вынудило Клука отдать приказ о повороте 5-й дивизии на Лизи. 6-я дивизия направилась к Марею, перейдя Урк у Круи. Итак, 3-й корпус прибыл на боевую линию еще 8 сентября.

Хуже обстояло дело с 9-м корпусом. Еще в 9 часов 15 минут 8 сентября он получил следующее указание от Клука: «Решение сегодня зависит от ввода в бой 9-го армейского корпуса через Ля Фэртэ-Милон и Марей. Армейский корпус ни в коем случае не должен дать наступающему от Куломье противнику отвлечь себя от этой задачи». Но 9-му корпусу оставалось пройти еще около 40 *км*. 17-я дивизия шла через Шато-Тьери на Ля Фэртэ-Милон, 18-я — на Марей. Немилосердное солнце начинает жечь лица и спины, изматывая вконец усталых людей. После небольшого привала в полдень обе дивизии возобновляют движение.

В 13 часов 10 минут генерал Кваст, по приказанию командующего армией, выделяет смешанную бригаду генерала Кревеля для обороны Марнских переправ. В 14 часов 45 минут командующий 1-й армией вновь подтверждает 9-му корпусу: «Выйти, насколько только возможно, в тот же день севернее 6-й дивизии и охватить фланг противника с этой стороны». Но приказы не могут повысить темпа движения пехоты, и без того напрягающей все свои силы. Начиная с 16 часов, 18-я дивизия подходит к Марею, где располагается на отдых. 17-я дивизия

в это время находится на пути к Ля Фэртэ-Милон. При подходе к городу головной эскадрон наткнулся на французскую кавалерию (отряд 5-й кавалерийской дивизии, совершавший рейд в тыл 1-й армии); в руки ее едва не попал штаб 1-й армии во главе с Клуком.

В 22 часа авангард 17-й дивизии вступил в Ля Фэртэ-Милон. В тот же час 18-я дивизия, во исполнение боевого приказа на предстоящий день, выступает из Марея на Ивар и Шавр (северо-западнее Марея), куда прибывает около 1 часа 9 сентября. По данным немецкого официального труда, «3-й и 9-й корпуса при сильной жаре и на пыльных дорогах совершили рекордный марш, который должен считаться одним из высших достижений германского войска на Западном фронте в течение всего этого периода операций. 7 сентября они покрыли около 60 *км*, и в ночь на 8-е, уже в 2 часа 10 минут утра, после короткого отдыха, были подняты снова... С коротким перерывом в полдень войска шли до темноты; в этот день было снова пройдено 60—70 *км*».

120 *км* за двое суток! Хотя это и действительно поразительное достижение, тем не менее 9-й корпус не успел прибыть во-время на поле сражения. Этот факт немецкая официальная история скрывает. Более правильна оценка одного из английских источников: «В критические дни 7 и 8 сентября целых два корпуса, 3-й и 9-й, только маршировали между Марной и Урком и остались вне обеих битв».

МАРНСКАЯ БРЕШЬ

После ухода 3-го и 9-го корпусов между Варед и Монмирай зияла брешь в 50 *км*, охраняемая только кавалерийскими частями. Она имела теперь, 8 сентября, особый оперативный смысл, которого не могла иметь в начале Марнского сражения. Теперь в нее уже проникали крупные силы англичан и остановить их было почти невозможно. Эта тяжелая обстановка создалась по вине Клука.

Затянув на двое суток перевод 3-го и 9-го корпусов на фронт р. Урк, Клук сильнейшим образом подорвал свои шансы на успех на этом отрезке Марнского сражения. Он теперь был скован боями и повернуться против англичан не мог. С другой стороны, отсутствие твердого решения у командующего 1-й армией сразу же, как выясни-

лась картина боев 4-го резервного корпуса, привело к вовлечению 9-го и 3-го корпусов в бои с 5-й французской армией на правом фланге 2-й армии. Отозвание двух корпусов в тот момент, когда 2-я армия использовала их в обеспечение своего правого фланга у Монмирай, ставило Бюлова в чрезвычайно тяжелое положение.

6 сентября 2-я армия, в случае ухода всей 1-й армии на р. Урк, еще сохраняла свободу маневра. 7 сентября она уже была скована наступающим противником. Эта скованность еще более усиливалась благодаря тому, что 2-я армия упорно продолжала вести наступление на своем левом фланге. Не самая брешь, а именно эта скованность обеих армий боями в противоположных направлениях представляла грозную опасность. Обе армии не могли оторваться от районов, где их корпуса вели ожесточенную борьбу. Концентрируя массу своих сил на двух крайних флангах, 1-я и 2-я армии, понятно, оголяли центральную зону.

Но, быть может, была еще надежда удержать наступающих в брешь союзников, пока не будет достигнут решительный результат в тех боях, которые вели 1-я и 2-я армии? Мы упоминали уже о действовавших в промежутке между обеими армиями двух кавалерийских корпусах, из которых 2-й был подчинен Клуку, а 1-й Бюлову.

Оба эти корпуса в течение 6 сентября значительно замедлили продвижение англичан, однако, они не получили определенных сведений и не донесли армейскому командованию, какие силы союзников находятся перед ними. 7 сентября заслоны кавалерийских корпусов уже не в состоянии были удерживать наступление противника на переправах через Б. Морэн. Клук отдает кавалерийским корпусам распоряжение удерживать течение М. Морэна, но общего начальника над ними при этом не назначается. Как мы уже видели, одна кавалерийская дивизия уводится на Урк, где она не находит, однако, себе применения и возвращается на южный берег Марны.

8 сентября Клук продолжает метаться между трудностями, возникающими на правом и левом флангах фронта р. Урк. В 7 часов утра, как сказано, он направляет 5-ю дивизию на Лизи, ослабив наполовину предназначенный для главного маневра 3-й корпус. В середине дня из состава 9-го корпуса выделяется смешанная бригада Кревеля, задачей которой ставится охрана Марнских переправ.

В течение этого дня, 7 сентября, кавалерия пытается удержать за собой течение М. Морэна, но безуспешно — противник подходит к Марне.

Официальная немецкая история и многие другие германские источники стремятся объяснить неудачу попытки заткнуть брешь разногласиями между Клуком и Бюловым. При этом основная вина возлагается на Бюлова, тогда как Клуку приписывается «стойкое следование стратегической инициативе». Мы видели, что этой стойкости, твердости в руководстве маневром в действительности у Клука не было. Поэтому с него никак не может быть снята ответственность за события в Марнской бреши. Отсутствие согласованности в действиях обоих командующих армиями также сыграло крупную роль.

НАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ К МАРНЕ 6—8 СЕНТЯБРЯ

(Схема 3)

Как мы помним, главной задачей маневра союзников на левом крыле ставились окружение и разгром 1-й германской армии. В этой операции предусмотрительный Жоффр сделал основной упор на тесную связь всех армий на их флангах. Фланговый маневр предполагает, очевидно, создание мощной ударной группы, бьющей во фланг противника. Наступление союзников, напротив, напоминало сомкнутый строй корпусов с почти равномерным распределением сил по фронту. Более сгущенная масса находилась скорее на участке 5-й армии, которая должна была атаковать 1-ю германскую армию с фронта, играя как бы сковывающую роль. Распоряжения командующего 5-й армией генерала Франше д'Эсперей были проникнуты сугубой осторожностью. Сначала должны наступать небольшие группы пехоты при поддержке всей артиллерии. После занятия какого-либо опорного пункта части немедленно принимают меры к его укреплению. Уроки, полученные французами в приграничном сражении, не пропали, видимо, даром. Новые идеи, содержащие намек на переход к позиционным методам ведения операций, явственно сказываются в распоряжениях французского командования.

С утра 6 сентября 6-я французская армия переходит в наступление, но вскоре сталкивается с противником, расположившимся вдоль дороги Эстернэ, Монсо. Только 10-й корпус на правом фланге свободно продвигается севернее Сезана. Пройдя лес Толь, он, однако, подвергается мощной атаке противника, отбросившей его юго-восточнее леса; справа занят Шарлевиль. 1-й корпус, наступавший западнее, весь день тщетно пытается овладеть Эстернэ. Левее 3-й корпус, при поддержке артиллерии, прокладывающей дорогу пехоте, овладевает Монсо и Курживо. Но контратака противника выбивает его из этих пунктов. В 22 часа Монсо занимается вновь соседним слева 18-м корпусом. Кавалерийский корпус Конно— на левом фланге линии наступающих корпусов.

В течение 6 сентября генерал Жоффр получил данные, что наступление 6-й армии и левого крыла 5-й армии задержано. Маневр союзников застопорен, таким образом, на обоих флангах. Одновременно стало известно, что противник перебрасывает свои силы на северный берег Марны. Роль английской армии, которая только и могла при такой обстановке двигаться вперед, становилась решающей.

Утром 5 сентября английская армия находилась в районе к юго-востоку от Парижа. По приказу Жоффра, она должна была наступать 6 сентября с линии несколько севернее Б. Морэна. Между тем, по приказу фельдмаршала Френча, 5 сентября, в 17 часов 45 минут, исходная линия наступления английской армии была назначена на 15—18 *км* западнее. Утром 6 сентября перешедшая в наступление английская армия была атакована на правом своем фланге немецкой кавалерией, что вызвало остановку наступления. Хотя после того движение совершалось без помех со стороны противника, однако, только лишь к вечеру англичане достигли Б. Морэна на левом своем фланге.

Учитывая отход части сил 1-й германской армии на северный берег Марны, генерал Жоффр в ночь с 6 на 7 сентября отдает директиву, в которой английской армии рекомендуется, оставаясь попрежнему в готовности атаковать во фланг силы, находившиеся перед фронтом 5-й французской армии, в то же время несколько изменить направление движения на более северное. 6-я армия должна обеспечить левый фланг англичан.

7 сентября английские корпуса наступали в общем направлении на Ребэ. Они встретили противодействие лишь со стороны небольших кавалерийских отрядов противника. Британская кавалерия, перейдя Б. Морэн, заняла Ля Фэртэ-Гоше и Куломье, а к вечеру также и Ребэ.

Днем 7 сентября Жоффру становится очевидным отступление 1-й германской армии, положение которой, по всем данным, является тяжелым. Англичанам уже с полной определенностью указывается направление на северо-восток. Английская армия должна последовательно перейти Б. Морэн, М. Морэн, Марну. 5-я французская армия примыкает к ее правому флангу по линии дороги на Шато-Тьери. Однако, 5-я армия должна обеспечить помощь 9-й армии на своем правом фланге, сохраняя также и здесь прочную сомкнутость фронта.

Между 21 и 22 часами Френч отдает приказ о преследовании 1-й германской армии. В это время на левом фланге английской армии, южнее Марны, выходит на фронт 8-я дивизия 6-й французской армии.

8 сентября надвигается кризис сражения. В 9 часов 30 минут Жоффр телеграфирует своему представителю в британской главной квартире: «Чрезвычайно важно, чтобы британские силы как можно скорее перешли на северный берег М. Морэна и Марны». В 15 часов 30 минут он телефонирует Френчу, что еще вечером 8 сентября необходимо овладеть Ля Фэртэ-су-Жуар и переправиться на северный берег Марны.

Но англичане попрежнему продвигаются с исключительной медленностью и осторожностью. На М. Морэне спешенная кавалерия противника задерживает их. Только между 14—16 часами англичанам удается сломить сопротивление противника и переправиться на другой берег. К вечеру достигнута линия по параллели Ля Фэртэ-су-Жуар. В этом пункте немцы оказывают упорное сопротивление, и англичанам пока удается овладеть лишь южной частью города.

Между 19 и 20 часами 8 сентября Жоффр отдает новый приказ, согласно которому 6-я армия должна удерживать силы 1-й германской армии, противостоящие ей на Урке, в то время как англичане, переправившись через Марну между Ля Фэртэ-су-Жуар и Ножан л'Арто, выходят им во фланг и в тыл. 5-я армия попрежнему обеспечивает правый фланг англичан, выдвинув сильный отряд в район Ази, Шато-Тьери. Кавалерийский корпус

Конно принимает участие в преследовании противника. 5-я армия должна отбросить находящиеся перед ней силы противника и, сохраняя прочную связь с 9-й армией, помочь ей перейти в наступление.

УТРЕННЯЯ АТАКА ПРУССКОЙ ГВАРДИИ 8 СЕНТЯБРЯ

(Схема 2)

До сих пор мы ограничивались изложением событий на западном крыле Марнской битвы, где боевые действия сосредоточивались вокруг 1-й германской армии. Необходимо теперь перейти к тому, что происходило в дни 6—8 сентября на участке 2-й германской армии. Решающим звеном явилось здесь наступление против армии Фоша прусской гвардии совместно с саксонской 32-й дивизией, принадлежавшей к составу 3-й германской армии.

Гвардейский корпус наступал на левом фланге 2-й армии. Это были отборные войска, превосходно вооруженные, располагающие двумя кавалерийскими полками. 5 сентября корпус сделал сравнительно небольшой переход, так как соседняя 3-я армия отставала, и к вечеру достиг назначенного ему района Вертю и западнее.

6 сентября 2-я армия должна была совершить захождение левым крылом, чтобы стать фронтом к Парижу, между Сеной и Марной (см. выше директиву германского главного командования от 4 сентября). Гвардейскому корпусу как левофланговому предстояло, понятно, сделать самый большой переход. Обе дивизии корпуса, располагаясь 1-я правее и 2-я левее гвардейской пехотной дивизии, перейдя через Сен-Гондские болота и обходя их с запада левым флангом через Фэр-Шампенуаз, должны были выйти в район юго-восточнее Сезана.

Но с утра 6 сентября французская артиллерия проявляет большую активность. Переход среди бела дня под огнем противника по узкой гати через Сен-Гондские болота слишком опасен, и около 14 часов 1-я гвардейская дивизия, заняв местечко Ольнизе (северо-восточнее Сен-Гондских болот), останавливается, выжидая охватывающего действия 2-й гвардейской дивизии восточнее болот. Эта последняя, однако, также задержана артиллерией противника фронтом на юго-запад.

Французские батареи искусно скрыты, и немецкая артиллерия не в состоянии нащупать их. Немецкие части,

по словам германского источника, попали «под неслыханно сильный шрапнельный и гранатный огонь французских батарей. Все бросаются в стороны из сомкнутых соединений; команд при страшном грохоте не слышно. Броситься в сторону и искать прикрытия — первое инстинктивное движение всех». Около 14 часов все четыре гвардейских полка 2-й дивизии лежали под убийственным огнем, вырывавшим все новые жертвы. Дальше ждать, значило бы обречь себя на истребление.

Правофланговые полки Франца и Августа идут в атаку и после ожесточенного боя овладевают Морэн ле Пти. К вечеру выходит на дорогу и полк Александра. Его наступательная сила подорвана жестоким огнем. Части окапываются вдоль дороги. Фельдфебель 1-й роты Кинцдерман так описывает этот момент: «Окопаться! Это было как будто простое дело. На 50 *см* вкопались мы в землю, а затем — конец. Чем копать глубже? Лопат у нас ведь не было, они постепенно пропали. Орудовали только пальцами, штыками, кружками».

В 17 часов 45 минут ворвались в Нормэ, к юго-востоку от Сен-Гондских болот, также и гвардейцы полка Елизаветы. Но попытки продвижения их дальше к югу кончились неудачей: французы закрепились вдоль железнодорожной насыпи. Утром 7 сентября французская артиллерия продолжает обстреливать всю линию гвардейского корпуса от Морэн ле Пти до Нормэ. Несколько рот, пытавшихся продвинуться к югу от дороги, попало под сильнейший огонь. От наступления в этот день пришлось отказаться.

Еще днем 6 сентября командир гвардейского корпуса генерал Плеттенберг, опасаясь за свой левый фланг, обратился к командиру 12-го армейского корпуса (3-я армия) за помощью. 32-я пехотная дивизия изменила направление своего движения и форсированным маршем вышла в район северо-восточнее Нормэ, но попытка выйти дальше к югу была отражена убийственным огнем французской артиллерии. «В первый раз с начала войны, — сообщают участники этого боя, — мы не могли продвинуться прямо вперед и, что особенно снижало настроение, в первый раз своя артиллерия... не могла выступить против неприятельской и преодолеть ее действие». Измученная, страдающая от голода и жажды (воду доставали в ряде мест с трудом) саксонская пехота осталась ночью на своих позициях.

7 сентября, утром, наступление саксонцев возобновилось, но атаки не имели успеха из-за искусного огня скрытых французских батарей. Вот как описывает один из моментов боя лейтенант Каульфус из 4-й роты 178-го полка: «Мы прошли около 600—700 *м* и достигли высоты севернее Ланаре (недалеко от Фэр Шампенуаз), когда артиллерия противника взяла нас под такой огонь, что мы должны были залечь. В невыносимо быстрой последовательности разрывались гранаты вокруг нас, выбрасывая гигантские столбы черно-желтого дыма и пыли. Плотно прижавшись к земле, впервые за всю войну мы были вынуждены взять лопаты и поочередно подкапывать себя. Потери множились. Французская артиллерия стреляла с поразительной точностью и с исключительно большой тратой боеприпасов. Нашей артиллерии не удалось достигнуть превосходства огня».

Положение саксонцев в результате неудачных атак оказалось столь серьезным, что на подмогу были двинуты гвардейские части, в свою очередь пытавшиеся наступать против французов, засевших в окопах вдоль ручья Сомм; их ждала та же печальная участь, что и саксонцев. В 3 часа дня был отдан приказ о прекращении атаки, но артиллерийский бой продолжался, пока темнота не окутала залитое кровью поле боя 32-й пехотной дивизии. «7 сентября был самым тяжелым днем с начала войны для войска. Французская артиллерия оказала действие, о каком не подозревали, и осталась неоспоримым победителем»,— такую оценку дает об этом бое официальный немецкий источник.

3-я германская армия, которая, как мы помним, имела задачу наступать на Труа (см. схему 3), оказалась 7 сентября разбитой на отдельные группы. 32-я дивизия сражалась рядом с гвардией. На ее левый фланг была выведена, кроме того, 23-я резервная дивизия (12-й резервный корпус). 23-я дивизия достигла района южнее Сомпюи, но здесь ее остановил артиллерийский огонь противника. Наконец, 19-й армейский корпус примкнул к правому флангу 4-й германской армии.

Командующий 3-й армией генерал Гаузен 7 сентября принимает решение перейти в наступление рано утром 8-го. Он просит Бюлова подчинить 2-ю гвардейскую дивизию командиру 12-го резервного корпуса генералу Кирхбаху, в группу которого входят 32-я и 23-я резервные дивизии. Остальные части 3-й армии наступают

вместе с 8-м корпусом (4-я армия). Приказ генерала Гаузена был отдан 7 сентября в 17 часов и начинался следующими словами: «Враг наступает на всем фронте перед германскими армиями. На правом германском крыле находятся превосходные силы французов. Противник не может превосходить нас на всем фронте. Только новое, энергичное наступление с фронта может выяснить положение противника, прорвать его фронт там, где он должен быть слабым, и парировать наступление превосходных сил противника на правом германском крыле. Чтобы в наибольшей степени избавить атаку пехоты от действия французской артиллерии, необходимо провести ее в утренние сумерки, достигнув штыковым ударом неприятельской артиллерии».

В 20 часов 30 минут 7 сентября генерал Кирхбах отдал свой приказ о наступлении. 1-я гвардейская пехотная дивизия одновременно получила от командования 2-й армии приказ примкнуть к наступлению группы Кирхбаха.

Поздно ночью гвардейские части получают приказ, плохо отпечатанный на нескольких листах; при свете карманного фонаря трудно разобрать спутывающиеся строки. Направление атаки, местоположение противника — все это неясно. Направление наступления дается на луну, стоящую в это время на небосклоне к юго-западу; затворы у винтовок приказано вынуть.

Без помехи со стороны французов полки Александра, Франца и Елизаветы (2-я гвардейская дивизия) заняли исходные позиции. Но вследствие неодновременного получения приказа и некоторых задержек части выступили в разное время, из-за чего связь между полками была потеряна и сомкнутого наступления не получилось.

В ночной темноте части начинают движение вперед. Сначала все было тихо. Но затем начинается бешеная ружейная трескотня. Роты бросаются вперед с криком «ура!» Крик отдается далеко к востоку — два корпуса наступают рядом друг с другом.

Пройдена первая линия окопов. Французская артиллерия все еще молчит. Передовые части натыкаются на сомкнутые соединения противника, которые обращаются в бегство. Уже раздаются первые выстрелы французской артиллерии, которая бьет в это скопище своих и чужих людей со все возрастающей силой. Немецкая артиллерия осталась позади и молчит.

В лесу севернее Фэр-Шампенуаз разгорелся ожесточенный кровавый бой. В особенности крепко оборонялись французы вдоль шоссе Фэр-Шампенуаз, Нормэ, которое находилось под обстрелом французской артиллерии. Здесь несколько линий окопов следовали одна за другой; были устроены засеки, проволочные заграждения, засады для фланкирующего обстрела; в лесу восточнее дороги противник также оказывал сильнейшее противодействие. Единое руководство боем было, естественно, невозможно; все зависело от инициативы унтерофицеров, которые здесь показали себя с лучшей стороны.

В лесу и кустарнике сражались врукопашную группами в 5—10 человек. Потери атакующих частей были громадны. Три роты батальона Франца остались к концу боя без единого офицера. При атаке части совершенно перемешались. Оставшиеся в живых офицеры и унтерофицеры собирали вокруг себя людей, невзирая на то, к какой части они принадлежат, и бросались снова в бой. В тылу у наступающих оказывались целые соединения французов, которые открывали внезапно огонь с тыла, с боем пробиваясь к своим. К середине дня, подорвав сопротивление противника на железнодорожной насыпи, передовые части атакующих вплотную подошли к Фэр-Шампенуазу, заняв его вокзал.

Немецкая артиллерия не оказала существенной помощи своей пехоте, так как было неизвестно, где, собственно, находилась в данный момент передовая линия фронта. Как только батареи открывали огонь, раздавался сигнал: «Das ganze halt!» (прекратить огонь), — оказывается, артиллерия била по своим. Только с 13 часов 30 минут германская артиллерия, подтянув вперед свою материальную часть, сумела открыть огонь по Фэр-Шампенуазу и подступам к нему. Единого руководства ею в смысле поддержки пехотной атаки попрежнему не было.

Около полудня 2-я гвардейская пехотная дивизия снова была передана из группы Кирхбаха в подчинение командиру гвардейского корпуса генералу Плеттенбергу, который, в соответствии с указаниями командования 2-й армии, дал обеим дивизиям юго-западное направление атаки. Атака 1-й дивизии в этот день, однако, не состоялась. Части 2-й гвардейской дивизии, возобновив продвижение во второй половине дня, без боя овладели

Фэр-Шампенуазом. Измученные, изголодавшиеся, обескровленные части гвардии расположились вокруг этого местечка.

На поле битвы лежали горы трупов французов и немцев. Французский 11-й корпус был разгромлен, и части его бежали в беспорядке к Фэр-Шампенуазу, который также был ими оставлен.

32-я дивизия после ожесточенного боя овладела Ланаре и продвинулась к железнодорожной насыпи, где остановилась, ожидая продвижения 23-й резервной дивизии. План Гаузена, таким образом, осуществился; хитрость его имела успех; ему удалось «обмануть» неприятельскую артиллерию.

Но эта победа поистине была пирровой победой. Французская артиллерия задержала гвардию на два дня. Против нее оказались бессильными и беспомощными лучшие германские войска. 8 сентября гвардия прошла всего несколько километров, купленных потоками крови. Поставленные цели наступления не были достигнуты. Противник был разбит, но преследовать его не было сил, и завтра он будет драться уже на новых позициях. Но к этому времени на других участках фронта будет решена судьба сражения.

В Марнской битве прусская гвардия была обескровлена; в сущности, только жалкие остатки блестящих полков стали на ночной бивуак у Фэр-Шампенуаза.

2-я ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ЦЕНТРОБЕЖНЫХ СИЛ

(Схема 3)

5 сентября командующий 2-й армией генерал Бюлов уже имел в своем распоряжении данные о переброске противником сил на запад к Парижу. Об этом он поставил в известность 1-ю армию и главную квартиру. Утром 6 сентября Бюлов, видимо, намеревался совершить маневр захождения левым плечом, чтобы встать между Сеной и Марной, как предусматривала директива германского главного командования от 4 сентября. Правофланговый 7-й германский корпус задерживается у Артонта, севернее Монмирай. 10-й резервный корпус выходит в район Монмирай; прочие корпуса совершают

захождение левым крылом через Морэн ле Пти. Предполагается, что 1-я армия отойдет за М. Морэн и Марну, примкнув к правому флангу 2-й армии. Но 6 сентября с утра начинаются бои по всему фронту 2-й армии. Бюлов считает, что имеет дело с арьергардами противника, уходящего за Сену. В полдень 6 сентября им отдается следующий приказ:

«Севернее Сены находятся только прикрытия противника. Требуются безоглядная энергия и преследование для уничтожения этих сил и разрушения переправ в долине Сены. Соответственно с этим — дальнейшее преследование».

Бюлов увлекается этим преследованием «без оглядки», позабыв о своем первоначальном плане и общей обстановке. Мечтая о лаврах победы, он охотно соглашается на оставление 3-го и 9-го корпусов у Эстернэ, хотя, по его собственным расчетам, они должны были отходить к Марне. 10-й резервный корпус развертывается в боевом порядке южнее Монмирай, а чтобы установить связь между ним и 9-м корпусом, сюда спешит 13-я пехотная дивизия из 7-го корпуса. 6 сентября здесь кипит ожесточенный бой с наступающим противником, силы которого оказываются, однако, гораздо большими, чем думал Бюлов. На 7 сентября Бюлов приказывает фронту, образовавшемуся из 3-го, 9-го, 7-го и 10-го резервных корпусов, продолжать решительное наступление на юг.

Между тем левое крыло 2-й армии, начав 6 сентября свой маневр захождения, наткнулось на сопротивление противника, которому благоприятствовала трудно проходимая местность. 10-й армейский корпус должен был форсировать М. Морэн, берега которого восточнее Шарлевиля покрыты густым лесом. 19-я дивизия, перейдя реку, попала в трудно проходимую лесную зону, где и застряла. Французы (42-я дивизия армии Фоша) оказывали ожесточенное сопротивление.

Деревня Вильнев переходила из рук в руки и лишь во второй половине дня, при поддержке мощного артиллерийского огня, немецкая пехота овладела ею и удержала за собой до конца дня. В результате неимоверно тяжелых боев, в которых обе стороны понесли большие потери, 19-й дивизии удалось продвинуться всего на каких-нибудь 4 *км* к югу от М. Морэна. Восточнее 20-я пехотная дивизия и 1-я гвардейская остановились перед Сен-Гонд-

скими болотами. События на крайнем левом фланге 2-й армии нам уже известны.

Утром 6 сентября Бюлов еще мог пребывать в царстве сладких иллюзий, считая, что французы уже очистили правый берег Сены. Конец этого тяжелого дня должен был поколебать его безмятежную уверенность. На другой день, 7 сентября, после того как приказ Жоффра стал ему известен (сообщение германского главного командования было получено в штабе 2-й армии в 7 часов утра), жестокая действительность выступила во всей своей неприглядной наготе. Силы гигантского сражения начинают оказывать свое непреодолимое действие. 3-й и 9-й германские корпуса уходят с правого фланга 2-й армии к северу. Мечты о блестящем успехе на Сене развеяны в прах.

Это известие выбило Бюлова из состояния равновесия. Как пишет сам Бюлов в воспоминаниях, только теперь ему стало ясным, что «1-я армия своими 2-м, 4-м, 4-м резервным корпусами ведет контрнаступление через Урк». Это решение командования 1-й армии он считает тяжелой ошибкой, так как «только примыкание 1-й армии к правому флангу 2-й у Шато-Тьери могло бы образовать фронт, которого он (противник) не мог бы ни прорвать, ни обойти». Но не сам ли Бюлов препятствовал такому примыканию, задержав 3-й и 9-й корпуса южнее Марны и сдвинув к югу свои собственные правофланговые корпуса? Не сам ли он, сняв с Марны последние прикрытия, во много раз обострил угрозу проникновения сил противника в свой тыл?

Но 7 сентября еще есть время исправить ошибку. Если Клук оказался прикованным к Урку, то 2-я армия в этот день еще могла и должна была сохранить свободу маневрирования. Например, перейдя к обороне на левом крыле, она могла бы занять своими корпусами линию М. Морэна, правым флангом упираясь в Марну у Ля Фэртэ-су-Жуар. Германское главное командование, информированное своевременно об обстановке, используя задержку наступления союзников, в этом случае могло бы начать переброску сил на запад, например, из 3-й или 4-й армий.

Но Бюлов вовсе не думает отказываться от своей авантюры на левом фланге. 7 сентября 10-й германский корпус продолжает свое упорное вгрызание в лес южнее М. Морэна. В густом лесу приходится прорубать топо-

ром дорогу. То там, то здесь возникают бои с отдельными группами противника. Части измучены и напрягают свои силы до последней крайности. Наступающие с трудом продвигаются вперед. Французы отошли в район Мондемана. К ночи 19-я дивизия германцев выходит к Вильневу. Но 20-я германская дивизия попрежнему задержана у Сен-Гондских болот. Гвардия также бессильна продвинуться вперед.

Застряв своим левым флангом в лесу и болотах, Бюлов крайне обеспокоен своим общим положением. Соглашаясь отпустить 3-й корпус, он настаивает, чтобы, по крайней мере, 9-й остался в районе Монмирай. Но и это не удается. Положение на правом фланге становится крайне опасным. 10-й резервный корпус отводится к Монмирай. Севернее остается лишь одна 13-я дивизия, которая располагается уступами от Фонтенеля до Монмирай. Эта дивизия состоит всего из одной бригады. Что касается другой дивизии 7-го корпуса, 14-й, то Бюлов перебрасывает ее на левый фланг, между 10-м и гвардейским корпусами, против Сен-Гондских болот. В ночь с 7 на 8 сентября он приказывает 19-й дивизии отойти на северный берег М. Морэна, считая ее позицию в лесах на другом берегу слишком рискованной.

Из всего изложенного видно, что Бюлов отнюдь не отказался от своих наступательных планов на левом фланге. И действительно, 8 сентября предпринимается «утренняя атака» против Фоша, о которой сказано выше. 14-я дивизия форсирует переход через Сен-Гондские болота. Орудия перебрасываются по гати почти в 1 *км* длиной. Малейшего уклонения в сторону достаточно, чтобы кони и орудия безнадежно завязли в болоте, а падение одной запряжки на дороге означало бы остановку всех, следующих за ней. Операция выполняется благополучно под огнем противника, и 14-я дивизия утверждается на южном берегу. 10-й корпус вновь переходит в наступление, но теперь его продвижение совершается с еще бо́льшим трудом.

Бюлов, очевидно, рассчитывал, что быстрое продвижение его левого крыла облегчит положение на правом фланге. В середине дня 8 сентября он обращается к Кирхбаху: «Так как 2-я армия вынуждена вести тяжелые бои против сильно превосходящих сил противника, генералу Кирхбаху следует направить свое наступление возможно больше к западу, чтобы таким образом

облегчить положение правого крыла 2-й армии». Генерал Кирхбах возвращает тогда 2-ю гвардейскую дивизию ее командованию, а сам продолжает с двумя дивизиями наступать на юг.

Но положение на правом крыле, видимо, не оставляет уже никакого времени в распоряжении Бюлова, чтобы выправить положение. 8 сентября две французские дивизии уже наступают на 13-ю германскую дивизию. Они проникают ей в тыл. Начальник штаба 7-го германского корпуса звонит в штаб армии: «Французы прорвались на фронте 13-й дивизии; бригада Унру отступает. Ген. Эйнем (командир 7-го корпуса) предлагает отвести правое крыло назад». Ген. Бюлов дает согласие, так как «у нас нет больше резервов».

13-я пехотная дивизия отводится позади р. Вердонель (впадает в Марну в 10 *км* восточнее Шато-Тьери); 10-й резервный корпус примыкает к ней. К ночи правое крыло 2-й армии располагается на фронте северо-западнее Сен-Гондских болот. Марнская брешь увеличилась еще на 15 *км*. Положение стало явно безнадежным, и пессимизм Бюлова — вполне законным.

2-я армия оказалась в течение трех дней—6, 7 и 8 сентября — скованной, как и 1-я. Но если эта последняя действительно потеряла свободу маневрирования в силу внезапного удара со стороны Парижа, то Бюлов добровольно отказался от инициативы. Он сам себя пригвоздил к Сен-Гондским болотам, куда загнал свои лучшие силы, осуществляя ненужную и опасную авантюру. В результате три дня были потеряны при фактическом бездействии командования 2-й армии на решающем участке сражения, и союзники получили время и возможность беспрепятственного продвижения в Марнскую брешь.

5-я ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ ОХВАТЫВАЕТ ПРАВОЕ КРЫЛО 2-й ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

(Схема 3)

Утром 7 сентября командующий 5-й французской армией узнал от своей авиации об отходе главных сил противника по всему его фронту. В 9 часов было получено указание французского главного командования уско-

рить движение левого крыла, чтобы выйти на уровень правого фланга англичан. Генерал Франше д'Эсперей дает соответствующие указания 18-му, 3-му и 1-му корпусам — выдвинуться вперед, равняясь по левому соседу, 10-му корпусу — остановиться, помогая 1-му выйти к северу от Эстернэ. Командующий 5-й армией попрежнему требует осторожности и согласованности в действиях: «всякая захваченная позиция должна быть солидно укреплена. Сделав это, не следует возобновлять движение вперед, пока не оказана помощь всеми средствами продвижению соседних корпусов».

Руководствуясь этими указаниями, задержанные боями с арьергардами немцев части 5-й французской армии с утра продвигаются вперед крайне медленно и осторожно. Лишь в 10 часов 2-я дивизия занимает Эстернэ.

В 11 часов Франше д'Эсперей, окончательно убедившись в отходе германцев, приказывает своим корпусам в тот же день выйти на линию М. Морэна. Однако, по утверждению французского официального труда, «движение вначале совершается с осторожностью и поэтому очень медленно». Кавалерийский корпус Конно и 18-й корпус к концу дня все еще южнее Б. Морэна. 3-й корпус переправился через эту реку. Зато 1-й корпус, энергично продвинувшись за день вперед, занял вечером район Рьё, непосредственно к югу от Монмирай. Его артиллерия обменивается выстрелами с артиллерией противника. 10-й корпус получил задачу поддержать соседнюю 42-ю дивизию (9-й армии); его 19-я дивизия находится к вечеру на линии севернее опушки леса Толь (к югу от Монмирай), 20-я дивизия — в районе Шарлевиля и 51-я — в районе Лаши (южнее Вильнев).

В соответствии с указанием французского главного командования о преследовании отходящих германских сил в направлении на северо-восток, Франше д'Эсперей отдает в 19 часов 30 минут приказ возобновить наступление 8 сентября, с осью движения 18-го корпуса на Фонтенель. Главная задача 10-го корпуса — охватить с фланга германские силы, находящиеся у Сен-При. Таким образом, четыре французских корпуса были направлены против четырех германских дивизий правого крыла 2-й германской армии.

8 сентября кавалерийский корпус Конно достигает только к концу дня р. М. Морэн и на ней проводит

ночь. Зато наступление 18-го корпуса ведется гораздо энергичнее. Около 15 часов 35-я правофланговая дивизия подходит к М. Морэну и вечером, несмотря на артиллерийский огонь противника, переправляется через реку. Левофланговая 36-я дивизия уже к 11 часам 35 минутам переправляется через М. Морэн и продвигается к Вандверу (западнее Монмирай). Восточнее слышна канонада, но к северу путь свободен. Командир дивизии генерал Жуани решает атаковать Марше-ан-Бри (северо-западнее Монмирай), охватывая его с севера. Оттесняя немцев, части дивизии ночью овладевают окопами противника севернее Марше-ан-Бри, достигнув перекрестка двух дорог. Патруль, посланный на разведку, находит Марше-ан-Бри очищенным от противника. Это и был тот самый удар, который вызвал отвод правого германского крыла в ночь с 8 на 9 сентября.

3-й и 1-й французские корпуса задержаны артиллерией противника, занимающего Монмирай и позиции восточнее по течению М. Морэна. На участке 10-го корпуса 19-я дивизия достигает района Суаньи, 20-я — Ля-Помероз (оба пункта западнее Сен-Гондских болот). Ночью разведка выясняет, что Ле-Туль (в северо-западном углу Сен-Гондских болот) очищен противником, который отошел севернее М. Морэна. 51-я дивизия ночью продолжает свое наступление, несмотря на противодействие артиллерийского огня противника.

Согласно приказу, отданному в 20 часов 15 минут, 5-я французская армия 9 сентября должна продолжать свое наступление к Марне с выдвинутым вперед левым флангом. Ей предстоит быстро выдвинуться вперед, выбросив авангарды на правый берег реки, чтобы занять выходы к северо-востоку. В таком расположении армия должна быть готова к действиям или прямо на север или на северо-восток. Кавалерийский корпус должен перебросить передовые части на правый берег Марны восточнее Ножан л'Арто. 18-й корпус выдвигается к северу, готовый действовать в направлении Шато-Тьери, 3-й корпус направляется правее 18-го, на Дорман. 1-й корпус должен продолжать свой марш на Марейль-ле-Пор (северо-западнее Эпернэ). 10-й корпус выдвигается в район Фромантьер, будучи готовым двигаться на Эпернэ или к востоку на Этож (Фромантьер и Этож — севернее Сен-Гондских болот).

Таким образом, корпуса 5-й французской армии нацелены в тыл и во фланг 2-й германской армии. Охватывая ее с севера, востока и юга, они угрожают ей полным разгромом, если 9 сентября она останется на месте.

ОСТАНОВКА ГЕРМАНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ ВОСТОЧНЕЕ МАРНЫ

(Схемы 2 и 3)

6 сентября 3-я и 4-я германские армии, продолжавшие преследование 4-й и 3-й французских армий к юго-востоку, встретили неожиданное сопротивление на Марнско-Рейнском канале. Правое крыло 4-й армии (8-й, 8-й резервный корпуса; правее примыкал, как мы уже знаем, 19-й армейский корпус 3-й армии), овладев Витри-Ле-Франсуа, успело переправиться через канал, но здесь немецкая пехота была задержана французской артиллерией; французы настойчиво стремились, в свою очередь, перейти в наступление. На пересеченной, усеянной населенными пунктами местности южнее канала шли в течение 6, 7, 8 и 9 сентября ожесточенные бои. Левое крыло (18-й и 18-й резервный корпуса) переправилось через канал лишь во второй половине сражения. 25-я резервная дивизия, овладев Ревиньи, устремилась в восточном направлении, на правый фланг 5-й германской армии. Эта последняя оказалась повернутой фронтом на восток, так как крепость Верден мешала продвижению ее левого фланга, который охватил ее полукругом по обоим берегам Мааса. Наступление 5-й германской армии (6-й, 16-й, 6-й и 5-й резервные корпуса) было также задержано французами. На правом берегу Мааса 5-й германский корпус безуспешно атаковал отчаянно сопротивлявшийся форт Труайон.

4-я французская армия, корпуса которой (2-й, 12-й, 17-й) были разбросаны на фронте протяжением около 50 *км* южнее канала, имела трудную задачу обеспечить стык между двумя армиями, положение которых представлялось очень сложным и которые, в силу сложившейся обстановки, тяготели в сторону от флангов 4-й армии: 9-я армия была прикована к Сен-Гондским болотам, 3-я — к Вердену и к Маасским фортам. Поэтому генералу Ланглю, командующему 4-й армией, пришлось

метаться между двумя флангами. Жоффр требует неоднократно от него помощи обоим соседям. Но в то же время французский главнокомандующий предусмотрел возникшие трудности, перебросив с востока два корпуса для подкрепления этого участка.

Правда, 21-й корпус, переданный в распоряжение генерала Лангля еще 6 сентября, лишь 9-го выходит на левый фланг его армии, в район Сомпюи. 15-й корпус, переданный в распоряжение 3-й армии, подходит в район южнее Ревиньи еще 8 сентября, выправив здесь положение, которое становилось все более критическим. Наиболее опасный момент возник 7 сентября, когда немцы после обстрела тяжелыми гаубицами захватили сильной атакой Сермэз, устремляясь в глубь леса Труа-Фонтен. Части 12-го корпуса стойко оборонялись по обоим берегам Марны. Генерал Лангль лично прибывает сюда, приказав «прочно удерживать все позиции и вести на фронте борьбу на истощение, чтобы дать время выполнить подготовленный маневр». Пехота измучена вконец тяжелыми трехдневными боями; потери ее под огнем немецкой тяжелой артиллерии велики, но немецкое наступление остановлено.

Еще более тяжелым в Марнском сражении оказалось положение 3-й французской армии. Ее командующий генерал Саррайль упорно сохраняет связь с Верденом, гарнизон которого вышел в поле, приняв участие в сражении. При попытке наступать на запад, как было указано Жоффром, 3-я французская армия столкнулась с корпусами 5-й германской армии, наступавшей на юго-восток. В возникших боях фронт 3-й французской армии установился восточнее Ревиньи, Рамберкур. Части несут жестокие потери от огня неприятельской артиллерии. Но и французская артиллерия действует с большим упорством.

8 сентября генерал Эрр, установив артиллерию 6-го корпуса на позициях южнее дороги Сомен — Бозэ (Сомен юго-восточнее Бозэ) на фронте около 1 800 *м* и выяснив с помощью авиации (первый случай применения ее для корректировки огня артиллерии) расположение позиций артиллерии противника, в 17 часов открывает огонь по неприятельским батареям, приведя их к молчанию. С правого берега Мааса противчик угрожает прорывом в тыл фронта 3-й армии. Генерал Саррайль имеет возможность направить к Маасу лишь кавалерию

Однако, героическая оборона гарнизона форта Труайон спасает положение. Жоффр первоначально высказывает недовольство бесплодностью попыток 3-й армии продвинуться на запад, но 8 сентября вечером, узнав всю обстановку, посылает Саррайлю телеграмму: «Я разрешаю вам, если вы найдете необходимым, отвести назад ваше правое крыло, чтобы обеспечить ваши сообщения и чтобы придать большую мощность действию нашего левого крыла. Важно не позволить отрезать 4-ю армию». 9 сентября 3-я армия удерживает свои позиции, но в ночь с 9-го на 10-е на нее обрушивается жестокая немецкая атака, которая вынуждает к отходу правофланговые части 3-й армии к юго-востоку.

Эта атака была предпринята командованием 5-й германской армии (кронпринц германский) и имела тот же характер, что и описанная выше атака прусской гвардии. В 2 часа (с 9-го на 10-е) немецкая пехота начинает свое движение вперед без артподготовки, с незаряженными винтовками и с примкнутыми штыками. Части брели в ночной темноте ощупью, не имея отчетливого направления, и перемешались между собой. Захватить французскую артиллерию немцам не удалось, и она с рассветом открыла огонь. Завязался ожесточенный бой, в ходе которого немецкая пехота продвинулась вперед, особенно в центре, где продвижение ее составляло около 10 *км*.

Генерал Жоффр утверждает новое расположение частей 6-го корпуса и даже разрешает в случае необходимости отвести назад 6-й корпус. Задача правого крыла 3-й армии — удерживать занимаемые позиции. События 10 сентября еще ярче подчеркнули главную задачу этой армии — выиграть время, пока на левом фланге армии не будет достигнут решительный результат. Эта задача ею была выполнена.

На восточном фланге общего фронта (см. схему 1) 6-я германская армия вела наступление на укрепленные высоты юго-восточнее Нанси. С вечера 4 сентября немцы начинают бомбардировку по всему фронту 2-й французской армии; в течение 5 сентября завязываются бои, в результате которых французы терпят значительное поражение, отходя к высотам Гран Куроне, юго-восточнее Нанси, но здесь упорно держатся в последующие дни, несмотря на ожесточенную бомбардировку тяжелой артиллерией противника. Севернее Нанси немцы

на левом берегу Мозеля теснят французов, овладев Понт-а-Муссон. Одно время важная высота С. Женевьев находится под угрозой захвата ее германцами. Резервные части французов, однако, оказывают упорное сопротивление, и ярость немецких атак ослабевает.

За дни Марнского сражения продвижение немцев на восточном фланге составило 3—4 *км*, причем им нигде не удалось овладеть решающими узлами сопротивления. Сосредоточенная здесь крупная масса тяжелой артиллерии (650 орудий 6-й германской армии против 536 орудий 2-й французской) оказалась бессильной против укреплений крепостного типа. 10 корпусов 6-й и 7-й германских армий простояли бесплодно в те дни Марнского сражения, когда на западе решалась участь всей кампании. Они не смогли также сковать находившиеся здесь французские силы, так как Жоффр, как мы уже знаем, заранее перебросил на запад 15-й и 21-й корпуса, сыгравшие крупную роль в ходе Марнского сражения. 7 сентября, наконец, и германское командование отдает распоряжение о переброске сил на запад сначала 7-й, а затем 6-й германских армий. 15-й корпус, а за ним 1-й баварский были сняты с фронта для погрузки в железнодорожные вагоны. Но они не успели уже прибыть к развязке сражения на Марне.

ГЕРМАНСКОЕ ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ В МАРНСКОМ СРАЖЕНИИ

Германское главное командование, в противоположность французскому, не отдало никаких руководящих директив в ходе Марнского сражения. Мольтке сидел в далеком Люксембурге, на расстоянии около 180 *км* от главного участка боевых действий. Сама обстановка в главной квартире как бы символизировала обреченную бездеятельность начальника штаба германских войск. В небольшом доме «школы для девиц», в большой тесноте разместились основные отделы штаба; вместо столов — доски, положенные на козлы; вместо электрического освещения — скудный свет керосиновой лампы.

Немецкая официальная история рисует нам Мольтке больным и безвольным, чересчур чувствительным челове-

ком, оказавшимся неспособным вынести тяжесть руководства огромным войском в сложнейшей обстановке. 7 сентября он писал своей жене из Люксембурга:

«Сегодня день большого решения; все наше войско от Парижа до Верхнего Эльзаса находится со вчерашнего дня в бою. О, если бы я мог сегодня отдать свою жизнь, чтобы этим завоевать победу, я сделал бы это с величайшей радостью, как это вновь делают тысячи наших братьев и тысячи уже сделали. Какие потоки крови уже пролились, какое неописуемое бедствие пронеслось над бесчисленными невинными людьми, у которых сожжен и опустошен дом и двор. Меня охватывает часто ужас, когда я подумаю об этом, и у меня появляется мысль, что ответственность за весь этот ужас лежит на мне, и, однако, я не мог бы действовать иначе, как произошло».

Однако, дело вовсе не только в личных качествах и личных ошибках Мольтке. Мольтке лишь до крайности довел установки и метод действия германского генерального штаба. Конечно, тот факт, что Мольтке не отдал в ходе Марнской битвы почти ни одного распоряжения, является беспримерным в военной истории. Но так же обстояло дело в трех приграничных сражениях, при форсировании 4-й германской армией Мааса, в сражении при Сен-Кантене, Гизе. По словам полковника Таппена (начальник оперативного отдела штаба германского главного командования), «ген. Мольтке упорствовал в своей прежней точке зрения, что руководство сражением на основе директив главного командования следует передать испытанным командующим армиями и не вмешиваться самому в это руководство»...

Здесь явственно выступает тенденция к разрыву между стратегией и тактикой, между высшим оперативным руководством и тактическим руководством сражением. В результате само руководство германского главного командования принимало формально схематический характер, превращалось в схоластическое творчество штабной бюрократии. Начав с того, что командующие армиями не нуждаются в его опеке и в срочном случае поступят по своему разумению, Мольтке кончил тем, что вообще ничего не знал о положении этих армий. Телеграфной связи с тремя правофланговыми армиями не было вовсе. Радиосвязь работала совершенно неудовлетворительно; сообщение от Клука, от 31 августа в 22 часа,

было вследствие помех передано с радиостанции 1-й армии лишь 1 сентября в 16 часов 30 минут и принято в Люксембурге только поздно ночью 2 сентября. Это было обычным явлением. Германское главное командование питалось преимущественно перехваченными радио, которыми обменивались между собой армии, сомнительными агентурными данными и... газетами. Теперь понятно, как получилось, что Мольтке не знал, что делается с его армиями и даже где, собственно, они находятся.

Уже директива Мольтке от 4 сентября предписывала переход к обороне на западе, сохраняя наступательную задачу лишь армиями восточного крыла. 5 сентября поступают новые данные о переброске французских войск к Парижу. Мольтке посылает подполковника Хенча, начальника разведывательного отдела, с поручением «побудить 1-ю армию к отступлению позади Марны». 6 сентября, благодаря случайно захваченному на участке 30-й пехотной бригады (4-я армия) экземпляру приказа Жоффра, Мольтке узнает о том, что союзники перешли в общее наступление. Мольтке немедленно сообщил об этом командующим армиями, но без всяких дополнительных указаний со своей стороны. Скудные известия, полученные от армий за этот день, были пополнены информацией вернувшегося Хенча, который сообщил о боях 4-го резервного корпуса на Урке и предстоявшем подходе сюда 2-го корпуса.

7 сентября, рано утром, были получены сведения, что 1-я армия тремя корпусами пытается противостоять наступлению союзников со стороны Парижа, а два ее корпуса ведут тяжелый бой на юге. Позднее поступают сообщения, что и эти два корпуса отходят на р. Урк. Все эти сообщения рисовали возрастающую путаницу на правом крыле; между 1-й и 2-й армиями нет согласованности в действиях; с отводом 3-го и 9-го корпусов возникает брешь. Но Мольтке опять не отдает никаких распоряжений. Посетивший его в этот день командующий 7-й армией генерал Геерингеи сообщает об «угнетенном, страдающем, пессимистическом» состоянии духа начальника штаба германского главного командования. Видимо, он не видел иного выхода, как отступление армий правого крыла, положение которых становилось все более опасным.

С утра 8 сентября в главной квартире продолжает нарастать это мрачное настроение в связи с новыми известиями о положении правого крыла. Правда, в полученном в 4 часа радио от 1-й германской армии (отправлено из штаба 1-й армии 7 сентября в 17 часов) сообщалось об уверенности ее командующего в благополучном исходе сражения 8 сентября. Одновременно в этом сообщении указывалось, однако, что «командир 2-го кавалерийского корпуса прикрывает линию Мо, Куломье, где продвижение крупных сил противника отсутствует»...

Именно этот момент — наличие бреши между 1-й и 2-й армиями—привлек особое внимание генерала Мольтке; только кавалерия прикрывает разрыв. Впрочем, 2-я армия сообщила, что она удерживается на своих позициях и собирается 8 сентября продолжить наступление на своем левом фланге. Но и здесь ложка дегтя попала в бочку с медом: «вследствие сильных потерь 2-я армия имеет боевую силу всего в три корпуса». Впоследствии выяснилось, что эта фраза в конце донесения была прибавлена лично генералом Бюловым. Несмотря на то, что в ней по сути дела ничего нового и поразительного не сообщалось, она также произвела на генерала Мольтке тяжелое впечатление. В 7 часов было перехвачено радио 2-й армии, в котором генералу Рихтгофену предлагалось принять безотлагательно меры к обеспечению правого фланга этой армии севернее Монмирай. В 9 часов—ответное радио 1-го кавалерийского корпуса, в котором сообщалось, что линия М. Морэна прорвана и что корпус отходит за р. Долло.

Мольтке созывает утром 8 сентября совещание, на котором присутствуют: начальник оперативного отдела полковник Таппен, начальник политического отдела полковник Дамес и начальник разведывательного отдела подполковник Хенч. Два первых высказывают оптимистическое суждение о положении. Хенч молчит; по свидетельству его подчиненного, капитана Кенига, взгляды Хенча на положение германских армий были пессимистичны с начала войны. Во всяком случае, на указанном совещании вопрос об отступлении не ставился. Мольтке решает лишь послать представителя генерального штаба для точной информации о положении на правом крыле германских армий. Выбор его останавливается на Хенче.

Хенч в документе, написанном им 15 сентября 1914 г., сообщает, что им были получены от Мольтке полномо-

чия «в случае нужды отдать приказ об отступлении 1-й и 2-й армий за р. Вель и на высоты северного края Аргонн». Мольтке же впоследствии (вероятно в феврале 1915 г.) на актах 1-й армии сделал надпись: «Полк. Хенч имел только поручение передать 1-й армии, что, если ее отход станет необходимым, она должна отойти на линию Суассон, Фим, чтобы таким образом снова примкнуть ко 2-й армии. Он никоим образом не имел задания сказать, что отступление неизбежно. Приказ об отступлении 1-й армии не отдавался мною. Также и приказ об отступлении 2-й армии».

«Рейхсархив», на основании сличения разных показаний, приходит к выводу, что между Мольтке и Хенчем произошла беседа с глазу на глаз перед отъездом последнего. Совершенно очевидно, что при этом шла речь об отступлении 1-й армии, о неизбежном или возможном — другой вопрос.

В 11 часов утра 8 сентября Хенч выехал на автомобиле из Люксембурга. Первоначально он посетил штабы 5-й, 4-й и 3-й армий. В этих штабах, согласно немецким источникам, он нашел бодрое настроение и якобы дал благоприятную оценку положения. Каковы были действительные мысли Хенча в результате этих посещений, сказать очень трудно, но, судя по позднейшему, едва ли он был введен в заблуждение о действительном положении германского войска даже и на левом фланге. Мы последуем теперь вслед за Хенчем в штаб 2-й армии.

ПРИКАЗ ОБ ОТСТУПЛЕНИИ 2-й АРМИИ

В 19 часов 45 минут 8 сентября Хенч прибывает в Монмор, где находился в это время штаб 2-й армии. О том, что происходило здесь во время его пребывания, можно судить лишь по мемуарам, которые к тому же дают противоречащие сведения. Во всяком случае ясно, что и Бюлов и Хенч пессимистически оценивали положение 1-й армии. Бюлов взваливал ответственность на командующего 1-й армией, но так или иначе, в передаче «Рейхсархива», он высказал мнение, что «зияющая, благодаря отводу 3-го и 9-го корпусов, брешь между 1-й и 2-й армиями ставит в опасность фланги обеих армий».

Бюлов якобы заявил, что прорыв врага в эту брешь пока не является фактом, и 1-я армия имеет еще возможность примкнуть к его правому флангу, примерно на линии Ля Фэртэ-Милон, Шато-Тьери. Однако, Хенч заявил, что это уже невозможно. «В таком случае, — высказался Бюлов,— положение станет сомнительным, так как нигде не оказалось бы больше резервов, чтобы отразить прорвавшегося в брешь противника. Он мог бы обратиться тогда против фланга или тыла 1-й или против правого фланга 2-й армий: и то и другое могло бы привести к катастрофе».

В конце концов совещание приходит к выводу, что в случае перехода союзников через Марну должна отойти и 2-я армия. Бюлов якобы предложил, что приказ об отступлении будет им отдан лишь по получении соответствующего извещения от Хенча после его прибытия в штаб 1-й армии. Но Хенч в ответ на это заявил, что командование 2-й армии должно, не дожидаясь его сообщений, отдать приказ об отступлении в случае перехода Марны крупными силами противника. Короче говоря, вечером 8 сентября в Монморе было предрешено отступление 2-й армии.

В главную квартиру Хенч вечером 8 сентября передает лишь краткое сообщение по радио: «Положение 2-й армии серьезно, но не безнадежно». Хенч не отправился немедленно в штаб 1-й армии, он остался ночевать в Монморе. Утром 9 сентября Хенч еще имел одну беседу с начальником штаба 2-й армии и в 7 часов 9 сентября отбыл в Марей, штаб 1-й армии.

Около 9 часов утра в штабе 2-й армии перехватывается радио кавалерийского корпуса Марвица, адресованное 1-й армии: «Сильные колонны (противника) из Ля Фэртэ-су-Жуар в восточном направлении». По донесению летчика, около 10 часов утра пять неприятельских колонн обнаружено между Ля Фэртэ-су-Жуар, Монмирай в движении в северном направлении.

В 11 часов 02 минуты Бюлов посылает радио 1-й армии: «Летчики сообщают о продвижении четырех длинных колонн (противника) через Марну. Около 9 часов у Нантейля, Ситри, Ножан л'Арто 2-я армия начинает отступление правым флангом на Дамери (северо-западнее Эпернэ)». Нет сомнения, что в этот момент вопрос об отступлении уже был решен окончательно командованием 2-й армии. Поэтому полученное позднее радио

(около 13 часов) 1-й армии—«Левое крыло армии отходит через Круи, Куломб и Монтиньи, Гандлю, 2-й кавалерийский корпус прикрывает это движение против противника, который переходит (Марну) у Шарли» — могло лишь подкрепить командующего 2-й армией в правильности принятого решения.

В самом деле, в 11 часов 45 минут штабом 2-й армии по радио был отдан приказ корпусам об отступлении. Армия должна была занять линию Дамери, Тур севернее Марны (Тур — северо-восточнее Эпернэ). Движение должно было быть начато с левого фланга в 13 часов. До начала отхода порыв наступления не должен был быть ослаблен ни в одном пункте. Нарастающая угроза на правом фланге отнюдь не заставила Бюлова прекратить опасное движение к югу от Сен-Гондских болот. Воля командующего 2-й армией раздвоилась, и это было объективным выражением положения этой армии. Вечером 8 сентября Бюлов в глубине души сознает, что единственное, что он может сделать,— это отдать приказ об отступлении, но такого решения он еще принять не может; для этого нет последнего окончательного аргумента, который позволил бы взвалить на свои плечи тяжкое бремя ответственности.

Вот почему 8 сентября, вечером, дается задача 10-му гвардейскому корпусу и саксонским дивизиям наступать в направлении на Сезан. После 10 часов утра 9 сентября Бюлов по телефону приказывает гвардейскому корпусу продвигаться на Сезан и упрекает командира корпуса в недостаточности проявленных усилий. Чувствуется, что нервозность в штабе 2-й армии возрастает. В заключительном приказе об отступлении все еще предлагается не ослаблять наступательного порыва, но на этот раз, очевидно, просто для того, чтобы благополучно вывести войска из боя.

На левом фланге 2-й армии 9 сентября был одержан крупный успех. Был захвачен ряд важных для противника пунктов. Однако, все эти успехи не могли помочь тяжелой беде на правом крыле 2-й армии. Между тем все немецкие источники, без исключения, стараются представить дело так, что, прояви Бюлов силу характера, чтобы добиться решительной победы на левом фланге, можно было бы и не отступать. Перед отступлением 2-я армия занимала фронт от Марны до Конантра, фронтом на юго-запад, почти по прямой линии. На этой ли-

нии находилось всего 8 дивизий. Им противостояли непосредственно на указанной линии также 8 дивизий (9-го корпуса 17-я, 52-я и Марокканская дивизии; 10-го корпуса 19-я, 20-я и 51-я дивизии; 1-го корпуса 1-я и 2-я дивизии). Левый фланг 2-й армии примыкал непосредственно к группе Кирхбаха и имел, таким образом, прочную опору. Но сверх того французы имели еще 3-й корпус, который непосредственно охватывал правый фланг 2-й армии. Бюлов мог противопоставить ему лишь одну гвардейскую кавалерийскую дивизию. Дальше к западу находились в движении к Марне 18-й корпус, кавалерийский корпус Конно и английская армия.

Французы, заняв Шато-Тьери, легко могли распространиться к востоку, захватывая переправы через Марну. Что могла противопоставить 2-я армия этой угрозе ее тылу? Ничего, ибо ее силы были скованы наступлением на левом фланге, которое не сулило никакой близкой перспективы. Ведь от Конантра, где гвардия была к 14 часам, до Сезана оставалось еще 15 *км*. Нельзя было рассчитывать, что немецкие войска преодолели бы это пространство с боями в течение нескольких часов. Да и такой успех мог отразиться на правом крыле лишь в том случае, если французское главное командование поколебалось бы и приостановило бы свое движение в брешь. Рассчитывать на это не было никаких оснований.

2-й армии угрожал разгром, а чтобы избежать его, она должна была вывести свои части из боя и перегруппироваться на новых позициях. Это неизбежно было началом общего отступления, так как немедленно же вынуждена была начать отход по крайней мере и 3-я армия. Сам по себе такой отход, независимо от глубины, означал банкротство руководства 2-й армии: зачем было залезать в Сен-Гондский район, если теперь неизбежно было отсюда уходить? Своим огульным наступлением Бюлов сковал сам себя и потерял свободу маневра. И Бюлов и Клук питались отжившими воззрениями. Новых условий войны они не поняли, чего нельзя сказать об их противниках. Бюлову казалось немыслимым и даже преступным упустить такой шанс, как разгром центра союзников. И он пошел на авантюру, в результате которой 2-я армия оказалась оперативно скованной и неспособной к тому маневру, который требовался всей обстановкой.

ХЕНЧ В ШТАБЕ 1-й АРМИИ

Из Монмора Хенч отправился через Реймс, Фэр-ан-Тарденуа в Марей, куда с 8 часов утра 9 сентября переместилась главная квартира 1-й армии. Как сообщил сам Хенч в своем докладе от 15 сентября 1914 г., впечатления, полученные им во время поездки, не были благоприятными. Всюду он наталкивался на поспешно отступающие в направлении к Фэр-ан-Тарденуа обозы. Толпы раненых устремлялись в том же направлении, боясь быть отрезанными. В Нейль и Сен-Фрон (восточнее Ла Фэртэ-Милон) все было забито транспортом; появление самолета противника вызвало панику. С большим трудом пробивал себе дорогу автомобиль Хенча, и лишь в полдень он прибыл в Марей. По дороге Хенч слышал, что союзники уже перешли Марну. Пессимистическое настроение Хенча получило полное подтверждение в этих впечатлениях от тыла 1-й армии.

По прибытии в Марей последовали переговоры Хенча с начальником штаба 1-й армии генералом Кулем. Все сообщения об этих переговорах носят мифический характер, так как о них можно судить лишь на основании сообщений их участников, чрезвычайно заинтересованных во вполне определенном освещении событий. Никакого доверия эти сообщения не заслуживают, и ими можно пользоваться лишь для косвенного подтверждения фактов, установленных иным путем.

Куль в своих позднейших свидетельствах утверждает, что он лично был против отступления, что мысль об отступлении была привнесена Хенчем, что до его приезда об отступлении вообще не думали. Когда Хенч заговорил об отступлении, Куль усиленно будто бы возражал. Он будто бы высказал мысль, что отступать в данном положении было бы очень опасно, так как части окончательно перемешались бы, а армия была бы до крайности истощена. 1-я армия, по заявлению ее начальника штаба, не могла отступать левым крылом на Фим (северо-западнее Реймса), как предлагал от имени германского главного командования Хенч, но только на Суассон, что и имело потом место в действительности.

Совершенно ясно, что основанием для такого заявления был факт переправы противника через Марну, исключавший возможность примыкания 1-й армии ко 2-й у Фима. Согласие Куля на отступление последовало

якобы лишь после того, как Хенч заявил о том, что «2-я армия уже начала отступать и что она превращена в шлак». При таких обстоятельствах генерал Куль будто бы счел себя обязанным подчиниться, как он пишет, «не потому, что дело шло именно о приказе — я не побоялся бы его отклонить, — но потому что после определенных указаний о положении «разбитой» и отступающей 2-й армии оставление 1-й армии на Урке было бы невозможным. Даже победа над Монури не могла бы нас спасти от охвата превосходными силами на левом фланге и от того, чтобы быть отрезанными от всего войска. 1-я армия стояла бы тогда обособленной».

Но ведь обособленность 1-й армии была вполне очевидной и без информации Хенча, раз она уже не могла примкнуть к флангу 2-й армии, раз противник уже проник в брешь. Что это было вполне очевидно, для Куля было ясно и из того, что он не делает никакой попытки проверить действительное положение во 2-й армии и снестись непосредственно с главным командованием.

Линия поведения подполковника Хенча была наиболее последовательной и четкой. Для него, очевидно, была совершенно ясна необходимость отступления 1-й армии еще до начала переговоров с Кулем. Обычно приводимая при изложении событий тирада, в которой мотивировалась необходимость отступления, нами не воспроизводится, так как ничем нельзя доказать, что она действительно была сказана. Кроме того, она не имеет никакого значения, так как основное содержание выступлений Хенча в Марее совершенно очевидно; от имени главного командования он приказал отступать левым крылом на Суассон, а не на Фим, как намечалось первоначально.

Роль Клука свелась к утверждению решения об отступлении. Поскольку нам известна уже самостоятельность действий этого генерала, ясно, что необходимость приказа не вызвала у него и тени сомнения.

Конечно, в данном случае были возможны и другие решения. Командование 1-й армии могло бы, несмотря ни на что, принять решение: драться там, где стоим; атаковать врага, вырвать победу из его рук. Невозможно предусмотреть, какие плоды могла бы принести такая суровая и непоколебимая решимость драться до конца. Риск был бы громаден, но нельзя забывать, что и положение союзников было далеко не блестящим. То обстоятель-

ство, что у германского командования такой решимости не оказалось, очевидно подтверждает пессимистическую оценку положения 1-й армии 9 сентября.

ПРИКАЗ ОБ ОТСТУПЛЕНИИ

(Схема 4)

Около 14 часов 9 сентября Хенч покинул главную квартиру 1-й армии. В 14 часов было послано радио 4-й кавалерийской дивизии, где ей было предложено немедленно направиться к р. Эн и захватить там переправы, а вслед за тем был отдан приказ частям 1-й армии:

«Положение 2-й армии требует ее отвода севернее Марны по обе стороны Эпернея. По приказу главного командования, 1-я армия отводится для прикрытия фланга в общем направлении на Суассон. При Сен-Кантене будет собрана новая германская армия. Движение 1-й армии должно быть начато еще сегодня. Поэтому левое крыло армии под командованием ген. Линзингена, включая группу ген. Лохова, сначала должно быть отведено позади линии Монтиньи, Брюмец (последний пункт северо-западнее Мариньи). Группа ген. Сикст-Армина присоединяется к этому движению в соответствии с ходом боя позади линии Антильи, Марей. Наступательное движение группы ген. Кваста должно производиться лишь постольку, поскольку это требуется для отрыва от противника, так чтобы возможно было примкнуть к движению всей армии».

Формально командование 1-й армии как будто имело основание свалить вину на 2-ю армию, так как в 13 часов 04 минуты от последней было получено уже известное нам радио, сообщавшее о переходе через Марну колонн противника еще в 9 часов утра и о начавшемся отступлении 2-й армии. Командование 1-й армии, выходит, вовсе и не думало об отступлении до прибытия Хенча и получения упомянутого радио. Но упрямые факты вдребезги разбивают эту легенду. Они ставят официальную германскую историю, вынужденную считаться с ними, в очень неловкое положение.

Дело в том, что еще раньше, около 11 часов, когда Хенча еще не было в Марее, Клук, у которого все

больше накоплялось данных о переходе Марны союзниками, принял решение об отводе левого крыла на линию Монтиньи, Брюмец, т. е. на линию, указанную в приказе об отступлении. Один из офицеров генерального штаба, получив указания от генерала Куля, разработал проект директивы, которая немедленно была передана по телефону генералу Линзингену и получена им в 11 часов 40 минут. Запись принятого радио сохранилась в архивах. Это — документ, буквально уничтожающий для официальной германской истории, ибо он ниспровергает всю легенду о том, что отступление 1-й армии произошло в силу простого недоразумения. Текст этой радиограммы почти полностью совпадает с изданным позднее приказом. Указаны те же линии отступления. Группа генерала Кваста, сказано в радио, «прикрывает движение, продвигаясь в направлении Нантейля», т. е. ей уже в 11 часов 9 сентября была указана чисто оборонительная задача. Официальная история заверяет нас, что посылка радио явилась плодом недоразумения.

В 11 часов 30 минут кавалерийскому корпусу Марвица было передано радио об отходе левого крыла армии через Круи, Куломб на линию Монтиньи, Гандлю. Это радио было понято командованием 2-й армии как приказ об отступлении 1-й армии.

Около 12 часов был, повидимому, отдан еще один приказ, подлинника которого в архиве 1-й армии не оказалось; сохранилась лишь копия, отпечатанная на машинке и датированная 11 часами 30 минутами. Текст этой копии подтверждает содержание предшествовавшего документа.

Генерал Куль впоследствии, в 1925 г., указывал на неудачную форму этого приказа, которым, дескать, подразумевалось нечто другое.

Странные, однако, вещи творились в штабе 1-й армии утром 9 сентября! Командование ее, по официальной версии, объято полной уверенностью в победе, которую должно принести наступление правого крыла, но упорно редактирует приказы так, что в них говорится об отступлении всей армии. Объяснение этому следует искать в том, что командование 1-й армии находилось еще в стадии колебаний, воля его непрерывно подрывалась тревожными сообщениями, и неотвратимо назревала идея об отступлении. Сохранившиеся документы

являются не чем иным, как первоначальными набросками окончательной директивы и предварительными распоряжениями об отступлении еще до приезда Хенча.

УТРО 9 СЕНТЯБРЯ НА МАРНЕ

(Схема 4)

В 7 часов 30 минут 9 сентября в штабе 1-й армии было получено радио 2-й армии:

«Правый фланг 2-й армии девятого отведен к Марньиле-Туль. Гвардейская кавдивизия удерживалась еще 8-го вечером на Долло, отходит под давлением противника в район Конде-ан-Бри. 5-я кавалерийская дивизия оттеснена севернее Марны». Одновременно 5-я кавалерийская дивизия сообщила, что она находится у Маринвиля.

Итак, 2-я армия без боя сдала важнейшую дорогу к Шато-Тьери, расширив брешь между двумя армиями на 30 *км*. Однако, весь трагизм положения еще неизвестен командованию 1-й армии, которое считает, что бригада Кревеля охраняет Марнские переправы и своевременно примет меры к взрыву мостов. Но в действительности для движения союзников были совершенно свободны следующие переправы: один железнодорожный и два дорожных моста у Мери, железнодорожный и дорожный мосты у Нантейля, три моста у Шарли, Ножан л'Арто, Шези.

В 10 часов 28 минут 9 сентября в штабе 1-й армии получено было радио от гвардейской кавалерийской дивизии: «Сильная пехота противника с артиллерией у Шарли через мост на Марне». Одновременно — радио от Марвица: «Сильная пехота противника движется вперед через Шарли к Нантейлю. 5-я кавалерийская дивизия и 2-я кавалерийская дивизия получили приказ атаковать».

Теперь уже нет никаких сомнений: противник беспрепятственно переправляется через Марну в пунктах, где его должен был задержать Кревель.

Именно эти сообщения создают в штабе 1-й армии крайне нервозную обстановку. Стихийно выплыла мысль об отступлении, которую один из офицеров штаба поспешно воплощает в приказе, переданном Линзингену. Изданный армией приказ средактирован наспех и весь проникнут стремлением как можно скорее уйти от опас-

ности на левом фланге. Очень возможно, что еще лелеют надежду на победу группы Кваста, но это лишь подтверждает отсутствие единой оперативной мысли. Настал опаснейший момент растерянности и раздвоенности оперативного руководства.

Вот как рисует этот момент официальный немецкий труд:

«Скверные дела происходили на Марне. Отсюда одно плохое известие следовало за другим. Если противник пробьется здесь в тыл 1-й армии, положение на Урке станет непереносимым; ожидаемая победа правого крыла придет слишком поздно. Фундамент, на котором построена вся операция,— защита левого фланга на Марне,— казалось, был разрушен. Всему смелому плану грозил крах. Новый поворот от надежды к сомнению был быстрым и внезапным».

Официальная история старается представить дело так, что воля немецкого командования выдержала испытание. Командование 1-й армии принимает быстрое и целесообразное решение: отвести свой левый фланг назад и тем временем форсировать победу на правом крыле. Но факты и документы, приведенные выше, ясно свидетельствуют, что утром 9 сентября (около 11 часов) в штабе 1-й армии царил разброд, стихийно одерживала верх идея отступления, которая еще не реализовалась, перемешиваясь и борясь с прежней идеей — сокрушить 6-ю французскую армию атакой правого крыла. Командование 1-й армии уже не могло овладеть обстановкой, которая развивалась своим чередом, опрокидывая все наметки и предначертания.

5-я дивизия уже была направлена по инициативе генерала Линзингена на помощь бригаде Кревеля, которая вела бой с англичанами. В результате отвести левое крыло на линию Монтиньи, Брюмец не удалось. 1-я германская армия утром 9 сентября сражалась на двух фронтах, повернутых на запад и на восток; она очутилась между двумя армиями противника, и ей угрожала опасность быть сдавленной в тисках.

Кавалерийские части Марвица, бригада Кревеля и 5-я дивизия вели бой на линии от Шанжи на Марне до Куломба. Немецкие источники упорно стремятся доказать, что эти части могли бы сдержать англичан, но ход событий 9 сентября не оправдывает такого утверждения. Бригада Кревеля, по утверждению самого «Рейхсархива»,

попала в тяжелое положение, атакованная все более и более усиливающимся противником; ее артиллерия была приведена к молчанию. Попытки 9-й кавалерийской дивизии продвинуться от Кошерель к Марне были застопорены артиллерийским огнем противника. Что касается 5-й дивизии, то она сначала была двинута на правый фланг бригады Кревеля, но, когда было получено известие о продвижении крупных сил англичан к северу от Шарли, она была отведена обратно. «...В движениях туда и сюда было потеряно драгоценное время», говорит «Рейхсархив». «Заткнуть дыру» все же было невозможно; дальше на восток через Марну продвигались все новые и новые силы противника.

Части группы Линзингена начали отход вскоре после полудня без помехи со стороны противника. К вечеру 9 сентября 7-я резервная дивизия и части 8-й дивизии (группы Лохова) находились в районе Мей-ан-Мюльтен (западнее Куломба); 22-я резервная дивизия — в районе Фюсси (северо-западнее Куломба); 3-я пехотная дивизия — в районе Куломба.

5-я кавалерийская дивизия продолжала весь день свои поразительные блуждания, бросаясь из стороны в сторону перед наступающим противником; только она одна и оставалась на всем протяжении бреши между 1-й и 2-й армиями.

КРАХ КОНТРМАНЕВРА КЛУКА

Что же происходило в это время на правом фланге германских армий? Напомним прежде всего цель операции, предпринятой здесь Клуком.

Приказ 1-й армии вечером 8 сентября гласил:

«1-я армия будет добиваться завтра решительного результата посредством атаки с охватом фланга северного крыла противника под командованием ген. фон-Кваста (9-й корпус, 6-я дивизия и 4-я кавалерийская дивизия), отправляясь из района севернее Кюверньона (западнее Ля Фэртэ-Милон). Резервная бригада Лепеля имеет приказ направиться завтра из Вербери на Барон; 2-й кавалерийский корпус со 2-й и 9-й кавалерийскими дивизиями и смешанной бригадой 9-го корпуса, прибывшей сегодня в Монрейль, должен обеспечить прикрытие левого фланга армии на Марне».

Изображение событий 9 сентября на правом фланге и конечный их результат даются в противоположном освещении немецкими и французскими источниками. Поэтому установить истину трудно.

По немецким источникам, группа Кваста одержала полную победу; армия Монури была разбита. Бригада Лепеля в 16 часов победоносно довела наступление до вокзала Нантейля. 17-я и 18-я дивизии в 18 часов находились в 6 *км* от Нантейля. По французским же источникам, атака бригады Лепеля на Нантейль потерпела кровавую неудачу. 6-я дивизия, по немецким источникам, заняла Вильер-Сен-Жене, что опровергается французскими источниками.

Совершенно бесспорен факт, что при общем перевесе немцев на северном участке их продвижение 9 сентября было малозначительным. Все источники единодушно констатируют медлительность наступления. Сказывалась измотанность переходами обеих дивизий 9-го корпуса. Утром 9 сентября 17-я дивизия, до занятия исходных позиций, прошла еще 20 *км*. Время от 9 до 11 часов ушло на развертывание артиллерии. Наступление началось фактически в 12 часов, когда части 17-й, 18-й и 6-й дивизий вышли, встретив незначительное сопротивление противника, на дорогу Ловиньян, Бетц. Вслед за тем началось продвижение через лес дю-Руа по нескольким узким лесным дорогам.

Только в 15 часов, т. е. после того как уже был отдан приказ об отступлении 1-й армии, наступающее крыло достигло железной дороги Ормуа, Бетц. В 15 часов 30 минут ударная группа развертывается вдоль южной опушки леса Руа — всего 35 батальонов и 36 батарей (208 орудий, из которых 36 легких гаубиц и 16 тяжелых). Пока эта весьма внушительная масса артиллерии (1 батарея на 1 батальон) не открывает огня, пехота не начинает атаки против Буаси (севернее Нантейля). Французская артиллерия энергично обстреливает немцев. Огонь ее порождает частичную панику. Вечером части 17-й дивизии, занявшие Буаси, роют окопы.

В 12 часов 30 минут генерал Клук получил от группы Кваста донесение о том, что в 11 часов 45 минут она заняла исходную линию и перешла в наступление на Ловиньян, Бетц. Получив это сообщение, Клук сказал будто бы окружающим его: «Сегодня вечером правое крыло будет вблизи Даммартена. Тогда мы выиграем все».

Можно согласиться, что такой глубокий охват левого фланга союзных войск действительно имел бы крупнейшее оперативное значение. Но был ли бы он решающим, остается под вопросом. Германские генералы, как мы уже установили в отношении атаки левого крыла 2-й армии на Сезан, плохо учитывали важнейший фактор — время. Тогда, когда началась фактически атака группы Кваста, около 12 часов 9 сентября, было по сути дела уже поздно, так как союзники перешли Марну. От исходной линии до Даммартена около 25 *км*. По данным «Рейхсархива», Буаси был взят в 18 часов. Немецкие части прошли около 10 *км* — оставалось еще 15.

Было уже поздно! Без понуждения со стороны врага группы Сикст-Армина и Линзингена покидали свои боевые позиции, обагренные кровью. Французские снаряды и шрапнели ложились на те самые места, что и раньше. «Когда в Бовуар,—пишет ген. Куль,—не осталось больше никого, я отправился в Мей-ан-Мюльтен и поднялся на очень высокую колокольню. На ясном вечернем небе на юго-западе стояла Эйфелева башня».

Париж был так близко, а немецкое войско на всем громадном поле сражения уже начало свое историческое отступление к северу.

ЛЕВОЕ КРЫЛО СОЮЗНИКОВ 9 СЕНТЯБРЯ

(Схема 4)

В то время как германское войско оказалось разорванным на части, союзный фронт наступления представлял почти сплошную стену корпусов, медленно, но во взаимодействии, плечом к плечу продвигавшуюся вперед.

Официальная французская история не скрывает, что положение на крайнем левом фланге союзников 9 сентября было критическим. Действия кавалерийского корпуса генерала Бриду были так же беспорядочны, как и в предшествовавшие дни. Корпус получил задание — двигаться ни мало ни много как к Суассону. Попав под огонь немецкой пехоты (бригада Лепеля), кавалерийские дивизии оказались к ночи далеко в тылу у Эрменонвиля (севернее Даммартена). Тем не менее действия французской конницы сыграли некоторую роль в задержке наступления группы Кваста и оказали известное воздействие на волю командования 1-й германской армии.

4-й корпус французов, в том случае, если натиск противника ему будет удержать не под силу, имел указание отходить к Даммартену. Обе дивизии этого корпуса под давлением противника к 19 часам располагаются: 61-я — вдоль дороги Нантейль, Сеньевер (к юго-востоку от Нантейля); 7-я — позади нее, в районе Сильи ле-Лонг (между Нантейль и Даммартен). К ночи 61-я дивизия, пройдя через расположение 7-й, отходит еще южнее, в район Уасери и Сен-Патю (южнее Нантейля).

К 23 часам 14-я дивизия, откидывая к югу свой левый фланг, отошла к Буйланси (восточнее Нантейля), правым флангом упираясь к ферме Ножан, которая осталась в руках французов (63-я дивизия).

Таким образом, к утру 10 сентября, в случае продолжения наступления, немцы имели бы дело с новым фронтом, который, правда, занимался частями, истощенными трехдневными боями; тем не менее перспективы на быстрый успех были слишком проблематичны.

54-я, 55-я и 45-я дивизии удерживались 9 сентября на своих позициях. 8-я дивизия занимала 9 сентября излучину р. Марны у Жер-Миньи (северо-восточнее Мо); правый фланг ее на берегу Марны — против сильных позиций немцев; кавалерийская бригада у Синьи-Синьеси (юго-восточнее Мо) обеспечивала непосредственную связь с англичанами.

Этот факт — установление сплошного фронта 6-й армии и англичан на Марне — имел очень крупное значение. Давление, осуществляемое немцами на левое крыло 6-й армии, при таких условиях вызывало лишь отклонение последнего к югу; однако, оно получало устойчивость благодаря поддержке, получаемой справа. Для Клука было уже поздно разбить 6-ю армию оторванно от англичан; теперь ему противостоял на Марне сомкнутый фронт союзников. Самое разумное при таких условиях для немцев было бы противопоставить этому фронту свой фронт, для чего требовалось сомкнуть внутренние фланги 1-й и 2-й армий. Но это было уже невозможно.

Часы испытаний для 6-й армии, таким образом, миновали, ибо она была теперь уже не одинока перед сосредоточенной 1-й германской армией, а примыкала к главным силам союзников. Генерал Жоффр дал разрешение ей, в случае необходимости, отходить к Парижу до

получения подкреплений. Но с подходом англичан к Марне это было уже излишне.

9 сентября эта новая обстановка была еще неясна французскому главному командованию. Поэтому оно приняло специальные меры к укреплению 6-й армии. 62-я дивизия уже подошла к Даммартену и расположилась для обороны этого пункта. Несмотря на слабость этой дивизии, иллюзия Клука об овладении Даммартеном еще 9 сентября становилась все более несбыточной. Кроме того, Монури, по договоренности с Френчем, к концу дня приказал 8-й дивизии передвинуться на левый фланг в район Кюизи (северо-западнее Мо). Не довольствуясь этим, Жоффр изъял из 5-й армии 37-ю дивизию (3-й корпус), которая 10 сентября должна была начать высадку в районе Парижа. Генералу Дюбайлю с той же целью было предложено выделить корпус.

Эти мероприятия, бесспорно, свидетельствуют об отсутствии ясной стратегической линии у французского главного командования в день 9 сентября. Если главной задачей теперь являлся прорыв между двумя правофланговыми германскими армиями, почему с этого решающего участка снимаются две дивизии (8-я и 37-я) и направляются на левый фланг? Но дело в том, что 9 сентября эти передвижения еще не были осуществлены, а 10-го победа стала очевидной.

Во второй половине дня 9 сентября кавалерийская разведка 6-й французской армии обнаружила отход противника на некоторых участках ее фронта. В 20 часов командир 90-й бригады донес командиру дивизии (45-й) о том, что противник отступил перед его фронтом, и просил разрешения немедля начать преследование. Однако, генерал Дрюд, опасаясь «ловушки», ответил, что «не следует начинать неосмотрительно преследование». 45-я дивизия осталась на ночь на своих позициях, хотя противник уже с утра отступил перед ней.

На 10 сентября генерал Монури приказал 55-й, 56-й и 45-й дивизиям «с осторожностью» продвигаться к северо-востоку; 7-й и 4-й корпуса должны остаться на месте, ожидая подхода 8-й дивизии.

Но вечером командующий 6-й армией уже получил от Жоффра поздравления с победой: «Удерживая на фронте Урка значительную часть германских сил, вы оказали огромную поддержку развитию операций союзных армий в направлении, которого я желал».

Англичане утром 9 сентября подошли, наконец, к Марне. Их левофланговый 3-й корпус нашел, однако, мосты у Ля Фэртэ-су-Жуар разрушенными, а северный берег занятым противником. Только во второй половине дня нескольким батальонам удалось переправиться на плотах и перейти по плотине; в 9 часов вечера началась постройка мостов. 2-й корпус нашел напротив переправы у Нантейля незанятыми и перешел через реку. В общем, за день 9 сентября вся примерно английская армия продвинулась на 13 *км*, не дальше параллели Шато-Тьери. Характерно, что в ожидании контрудара противника части, оставшиеся на южном берегу Марны, рыли окопы. Приказ Жоффра на 10 сентября предусматривал продвижение англичан до р. Клиньон (параллель Нантейль, Шато-Тьери).

Действия и расположение 5-й французской армии в конце сражения имели громадное значение для его исхода.

В 13 часов кавалерийский корпус Конно получил приказ перейти Марну у Ази вместе со смешанной бригадой 18-го корпуса. В соответствии с этим 4-я кавалерийская дивизия около 14 часов 30 минут переходит Марну, устанавливает связь с английской кавалерией и к вечеру находится в 3 *км* юго-западнее Шато-Тьери. 10-я кавалерийская дивизия вступает в Шато-Тьери. 8-я кавалерийская дивизия продвигается вдоль южного берега реки к Ножантейлю (южнее Шато-Тьери). Из состава 18-го корпуса 9 сентября перешли через Марну упомянутая смешанная бригада у Ази и 1-й полк зуавов в Шато-Тьери.

В 3-м корпусе 37-я дивизия была в течение дня изъята для направления на поддержку 6-й армии. 5-я дивизия, направляясь на северо-восток из Монмирай, в 15 часов 30 минут занимает Коробер (севернее Монмирай), противник отходит, не вступая в бой; встретив при дальнейшем продвижении сопротивление противника, дивизия к ночи достигает одною из своих бригад Вердона (севернее Монмирай); 6-я дивизия, также выступив из Монмирай, к 15 часам 30 минутам достигает Ля-Шарнуаз и Ле-Грузильер, на южной опушке леса Парньи (все пункты северо-западнее Монмирай, на половине расстояния до Шато-Тьери).

После перехода 10-го корпуса в состав 9-й армии, 19-я дивизия из этого корпуса передается в 1-й корпус.

1-й корпус начал движение вдоль дороги Вошамп, Орбэ (северо-восточнее Монмирай); однако, этот путь прегражден противником. Ввиду тяжелого положения соседней 9-й армии, 1-й корпус в 15 часов 10 минут получает приказ склониться к юго-востоку, атакуя противника в направлении Байи, Вильвенар (северо-западный угол Сен-Гондских болот). Давление противника уже начинает ослабевать, и это склонение к югу становится излишним.

10-й корпус 9 сентября действовал в составе 9-й армии, 20-я дивизия, уже 8-го вечером занявшая деревню Ле-Туль, с утра была задержана артиллерийским огнем противника, причинившим ей большие потери.

Тем не менее продвижение остальных частей корпуса в северном направлении шло успешно, и к ночи 9 сентября корпус выходил на северо-западную окраину Сен-Гондских болот.

Если на всех перечисленных выше участках союзники так или иначе продвигались вперед, то дальше к востоку дело обстояло хуже.

На участке 9-го корпуса немцы, поведя с утра яростную атаку на Мондеман, овладели деревней и замком. Артиллерия их обстреливает с возрастающей силой позиции Марокканской дивизии у леса Мондеман и Аллеман. 77-й полк (17-я дивизия), посланный на поддержку, атакует выходы из северной опушки леса Аллеман и северо-восточнее леса Мондеман, но из-за отсутствия взаимодействия пехоты и артиллерии атака терпит неудачу; артиллерия не может разрушить стены замка Мондеман, и с тяжелыми потерями полк отбрасывается назад. Только в 19 часов 30 минут удается овладеть замком, когда противник отходит на всем участке Марокканской дивизии.

С утра 9 сентября противник яростно атакует со стороны Фэр-Шампенуаз также линию 17-й и 52-й французских дивизий. Попытка их закрепиться на позициях восточнее Аллемана терпит неудачу. После сильной артиллерийской бомбардировки в 13 часов 30 минут немцы овладевают Монт-у (между Аллеманом и Фэр-Шампенуазом) и начинают продвижение на Плер. Линия 9-го корпуса проходит к югу от дороги Конантр, Сезан.

К вечеру 42-я дивизия подходит в район Леней (между Конантром и Сезаном) и здесь проводит ночь, не принимая участия в бою. 17-я и 52-я дивизии начинают продвигаться за отходящим противником и вновь занимают Монт-у.

11-й корпус был также отброшен атакой немцев к югу с тяжелыми потерями. Кавалерия противника продвигалась в направлении к Труа.

Но к вечеру этого дня начинается отход немцев, и они принуждены очищать захваченные днем пункты.

Мы в своем исследовании подошли к концу левой половины союзного фронта в день 9 сентября. В какой степени расположение союзников в момент окончания сражения обеспечивало успешный для них исход? Решающее значение имело выпячивание этого расположения в центре через Марну, что разделяло друг от друга 1-ю и 2-ю германские армии. Со стороны германцев этой угрозе был противопоставлен удар по западному (6-я французская армия) и восточному (9-я французская армия) флангам этой гигантской дуги наступательного фронта союзников от Парижа до Майи.

Опасность для союзников состояла в том, что вследствие этих ударов они вынуждены были бы рассредоточить силы центра (Марнская брешь) по флангам; тогда отпала бы угроза для внутренних флангов 1-й и 2-й германских армий. Отчасти такая опасность действительно имела место, что вынудило Жоффра сдвигать свои силы на угрожаемые восточный (армия Фоша) и западный фланги (переброска на запад 8-й и 37-й дивизий).

Тем не менее в основном французскому главному командованию удалось сохранить непрерывность своего наступательного фронта, что придало ему прочность. На 10 сентября Жоффр приказал частям, перешедшим Марну, двигаться к р. Клиньон, а частям 5-й армии занять Марну между Шато-Тьери и Дорман. Это угрожало окружением как 1-й, так и 2-й германским армиям.

КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ АРМИЙ ПОСЛЕ МАРНЫ

(Схема 4)

После отъезда Хенча германское главное командование как бы вновь выключается из цепи величайшей битвы, которая стихийно движется своим чередом. 9 сентября, утром, в германской главной квартире получаются новые подтверждения (радио 2-й армии) того, что крупные силы союзников движутся в брешь между 1-й и 2-й

армиями. Для Мольтке нет больше никаких сомнений, что правое крыло германского фронта должно отступить, притом возможно скорее, а это по существу означает отход и прочих армий. Именно такое предложение о всеобщем отступлении Мольтке делает во время своего доклада кайзеру. Этот доклад по времени совпадает как раз с отдачей Хенчем 1-й армии от имени Мольтке приказа об отходе. «Своеобразное совпадение», замечает по этому поводу «Рейхсархив». Но удивляться здесь нечему, так как существовали веские объективные причины для подобного совпадающего решения.

Весьма характерно, что, по свидетельству присутствовавшего при докладе генерала Линкера, Мольтке сослался на то, что «ген. Бюлов придерживается мысли о необходимости отступления. Он — один из опытнейших генералов армии». Хотя Вильгельм не решился утвердить предложение Мольтке, ход событий приостановить уже было нельзя: три правофланговых германских армии днем 9 сентября уже отступали. В 16 часов 45 минут было получено первое донесение об этом из 2-й армии. В донесении говорилось, что 1-я армия отступает левым флангом через Куломб, Гандлю; «2-я армия, согласованно с Хенчем, приостановила медленно продвигающееся вперед наступление и выходит на северный берег Марны, правым флангом на Дорман».

Сообщение это, означавшее начало перелома в ходе всей войны, не только не произвело обескураживающего впечатления на главное командование, а, напротив, подняло его настроение. Вечером 9 сентября отдается приказ о переходе 10 сентября во всеобщее наступление. 1-й армии было послано указание расположиться уступами за правым флангом 2-й армии у Дормана, препятствуя наступлением охвату со стороны противника. 3-я, 4-я и 5-я армии должны были 10 сентября также возможно скорее возобновить наступление. Таким образом, германское командование оказалось вновь совершенно неосведомленным о том, что творилось с его армиями.

К утру 10 сентября было получено, наконец, донесение от 1-й армии, в котором указывалось, что она отступает за р. Эн. Вскоре последовало дополнительное сообщение и от 2-й армии. Ссылаясь на оголение своего правого фланга, генерал Бюлов доносил о том, что он продолжает отступление и притом совместно с 3-й армией. Немедленно же был послан приказ 1-й армии с на-

стойчивым подтверждением главной ее задачи — обеспечения правого фланга 2-й армии. В 11 часов была получена более обстоятельная информация от командующего 2-й армией: «В согласии с Хенчем я так оцениваю положение: отступление 1-й армии за р. Эн вынуждено оперативным и тактическим положением. 2-я армия должна поддержать 1-ю армию севернее Марны, иначе правое крыло войска будет оттеснено и смято с фланга. Сегодня сильные арьергарды занимают южнее Марны линию Дорман, Авиз (пункт к юго-востоку от Дорман), примыкая к 3-й армии. Жду указаний». Итак, отступление правого крыла — свершившийся факт. В новом докладе кайзеру Мольтке, видимо, настаивал на необходимости признать этот факт. Генерал Линкер так излагает его соображения: «Армии вытянулись тонкой линией на громадной дуге от Вогез до Парижа. Нигде не сосредоточены более мощные силы. Потери очень велики. Очень сомнительно, могут ли 1-я и 2-я армии противостоять наступлению. Мысль об отступлении подступает ближе, если уже не подступила».

В 15 часов возвращается, наконец, Хенч и делает подробный доклад о происшедшем сначала Мольтке, а затем кайзеру. Вся вина за отступление сваливается на командование 1-й армии, которое / уводом 3-го и 9-го корпусов создало брешь на Марне, куда проникли крупные силы противника. Хенч утверждал, что по приезде в штаб 1-й армии он уже нашел готовый приказ об отступлении. 1-я армия отступает на линию Суассон, Фим, 2-я — за р. Вель, 3-я — по обе стороны от Шалона.

Сообщение Хенча не вызвало никакого протеста со стороны Мольтке. В 17 часов 30 минут отдается приказ, санкционирующий, наконец, отход правого крыла германского войска: «2-я армия отходит за р. Вель, левым флангом на Тюизи (юго-восточнее Реймса). 1-я получает указания от 2-й; 3-я армия примыкает ко 2-й на линии Мурмелон-ле-Пти (на половине расстояния между Реймсом и Шалоном), Фэр-Шампенуаз; 4-я армия примыкает к 3-й севернее Рейно-Марнского канала до района Ревиньи; 5-я армия остается на достигнутых позициях. 5-й армейский корпус и главный резерв Меца атакуют форты Труайон, Парош и Камп-де-Рошен. Занятые армиями позиции — укреплять и удерживать. Передовые части 7-й армии — 15-й армейский корпус и 7-й

резервный корпус — около 12 сентября достигнут района Сен-Кантен».

Но вскоре иллюзия, созданная информацией Хенча и выраженная в приказе о сравнительно благополучном выходе из кризиса на Марне, была развеяна в прах. Поздно вечером было получено сообщение от 1-й армии, в котором говорилось об отходе ее севернее леса Виллер-Коттере и продвижении крупных сил противника к северу от Шато-Тьери в направлении на Ульши ле Шато, Нейли-сен-Фрон (восточнее Ла Фэртэ-Милон). «Части сильно перемешаны, армия измотана пятидневным боем и приказанным отступлением. Будет готова к наступлению самое раннее 12-го».

Итак, 1-я армия отходит левым флангом вовсе не на Фим, а на Суассон и иначе отступать не может, так как между нею и 2-й армией уже вклинились крупные силы противника. Марнский кризис, оказывается, вовсе не преодолен, а, напротив, развивается с новой силой. Брешь между двумя армиями составляет 40 *км*.

1-я армия, несмотря на внешне благополучный отрыв от протизника и отход, в действительности являла все признаки армии, потерпевшей поражение. Люди дошли до крайней степени физического изнеможения; многие оставались лежать вдоль дороги. Обозы, несмотря на принятые меры к упорядочению их движения, все же преграждали дороги; части сталкивались друг с другом; происходили закупорки; царил беспорядок, сопутствующий внезапному и неподготовленному отступлению.

В 23 часа 30 минут 10 сентября 1-я армия дополнительно сообщила: «1-я армия утром располагается на р. Эн от Вик до Суассон; арьергарды находятся южнее, противник продвигается вперед от Шато-Тьери и западнее, силами по меньшей мере до двух корпусов и нескольких кавалерийских дивизий».

Утром 11 сентября в штаб 1-й армии поступило указание генерала Бюлова, согласно которому 1-я армия, вновь подчиненная Бюлову, должна была 11-го перейти обратно через р. Эн и 12—13 сентября примкнуть слева к правому флангу 2-й армии. Отрезок р. Вель у Брен и Фим (Брен в 10 *км* западнее Фима) 11 сентября должен быть прегражден смешанной бригадой 2-й армии. Все это указывало на продолжающийся опасный разлад на правом крыле германского войска.

Утром 11 сентября Мольтке выехал на фронт в штаб 3-й, 4-й и 5-й армий. Это мероприятие начальнику германского генерального штаба следовало осуществить гораздо раньше. Первое впечатление было вполне благоприятным. Но здесь на сцену снова выступает Бюлов. Запутав окончательно положение справа, он теперь сосредоточивает свое внимание на левом фланге. 10 сентября, вечером, штаб 2-й армии получил сведения о движении неприятельской колонны по дороге Шампобер, Бержер (к югу от Монмирай) на восток. Бюлов сообщает главному командованию, что враг явно угрожает ударить во фланг массе германских войск, еще задержавшихся на своих позициях, и предлагает отвести их на линию Сюип, Сент-Менегу.

Это сообщение окончательно убеждает Мольтке в необходимости отступления всех германских армий, и в 14 часов 30 минут 11 сентября им отдается соответствующий приказ. 3-й армии предлагалось отойти на линию Тюизи, Сюип; 4-й армии—отступить на линию Сюип, Сент-Менегу; 5-й — на линию Сент-Менегу и восточнее. «Достигнутые линии — укреплять и удерживать. Армиям сохранять при отходе фланговое примыкание». К этому Мольтке добавил устно, что 3-я армия должна свои позиции «построить, как крепость». По настоянию германского кронпринца (командующего 5-й армией), новый фронт германских армий был отнесен несколько севернее. В течение 13—14 сентября левофланговые армии, идя форсированными маршами, заняли указанные им позиции. К вечеру 14 сентября фронт проходил восточнее Реймса, на Консонвуа, оттуда на Азан и, круто изламываясь у этого пункта, шел к югу.

Достигаемое таким путем укорочение и выпрямление фронта необходимо было осуществлять возможно быстрее, так как на правом фланге германских армий вновь надвигалась гроза. Следующий неотступно за германскими армиями противник 12 сентября с утра опрокинул слабое прикрытие на р. Вель и стал продвигаться в 40-километровую брешь между 1-й и 2-й армиями. Французы, перейдя реку у Мюизон (западнее Реймса), достигли Мерфи (северо-западнее Реймса). Бюлов приказал 10-му резервному корпусу отойти к востоку от Реймса, сдавая город противнику.

Между тем 1-я армия, сдвинувшись, согласно полученным инструкциям, к востоку, достигла своим левым

флангом лишь Конде у устья р. Вель. В 14 часов в штабе 1-й армии было получено указание от командования 2-й армии: «Противник, оттеснив правофланговую дивизию, перешел р. Вель и занял высоты Сен-Тьери, северо-западнее Реймса. 1-я армия еще сегодня должна послать крупные силы в тыл противнику в направлении на Сен-Тьери». Но по фронту 1-й армии уже начался артиллерийский бой, и командованию 2-й армии был послан следующий ответ: «1-я армия атакована на линии Атиши, Суассон, ждет завтра боя, удерживает северный берег р. Эн от Атиши до Конде. Может еще продлить левый фланг, но продвижение к Сен-Тьери невозможно».

Марнские события в новой обстановке начали воспроизводиться с опасной последовательностью. Брешь, от которой бежали правофланговые армии 9 сентября, 12-го вновь зияла в расположении германского фронта. И оба командующих армиями вновь сваливали друг на друга ответственность за этот прорыв.

В силу отсутствия единого твердого руководства положение германского фронта представлялось непосредственно после Марны таким, что, имей союзники крупные подвижные силы, они могли бы разрезать его на части, выйти во фланг и в тыл отдельным армиям и привести германское войско к полной катастрофе. Этого не случилось главным образом потому, что такого решительного преследования со стороны союзников не было.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ 10—15 СЕНТЯБРЯ 1914 ГОДА

(Схема 4)

В ночь с 9 на 10 сентября, когда французское главное командование готовилось к возобновлению борьбы на реках Урк, Клиньон, Марна, из перехваченных радио стало известно об отходе правофланговых германских армий. Генерал Жоффр отдает днем 10 сентября приказ о преследовании: «Чтобы закрепить успех, необходимо энергично вести продвижение вперед так, чтобы не дать противнику никакой передышки; победа теперь заключается в ногах нашей пехоты». Оказалось, однако, что «ноги пехоты» уже недостаточны для эксплоатации победы в сражениях такого масштаба, как Марнское.

Маневры, предписанные Жоффром, по словам французского официального труда, «не могут быть осуществлены по причине быстроты, с которой отступают немцы, и усталости союзных войск». Дело заключается не столько в быстроте отхода немецких армий, сколько в крайней медленности движения «преследующих» союзных армий, которые в среднем делали лишь по 10—12 *км* в сутки.

Только между 14—16 часами 10 сентября армия Монури начинает свое движение на правый берег Урка. 5-я кавалерийская дивизия, перейдя в полночь Уазу, выдвинулась на 40 *км* к северо-западу, нигде не встретив противника. К концу дня 10 сентября 5-я и 6-я французские армии и англичане достигли без всякого соприкосновения с противником линии Дорман, Марей на Урке, Санли. 9-я армия левым крылом перешла Сен-Гондские болота, продвинувшись в северо-восточном направлении, всего около 15 *км*. Правое крыло армии Фоша немцами было задержано на выходе из Сен-Гондских болот. Между 5-й и 9-й французскими армиями образовался, таким образом, никем не занятый мешок, в глубине которого спокойно отходили части 2-й германской армии. Перед фронтом 4-й и 3-й армий немцы удерживались.

11 сентября генерал Жоффр послал французскому военному министру реляцию: «Марнская битва закончилась неоспоримой победой. Отступление 1-й, 2-й и 3-й германских армий ускоряется перед нашим левым крылом и центром. В свою очередь 4-я армия противника начинает отступать к северу от Витри и Соризе, оставляя на месте многочисленных раненых и большие количества боеприпасов. Несмотря на усилия, проявленные войсками в течение этих пяти дней, они находят еще в себе энергию преследовать противника. Повсюду, где они продвигаются вперед, обнаруживаются следы напряженности борьбы и значительности средств, пущенных в дело германцами, чтобы сокрушить наш фронт. Сопротивление союзных армий и возобновление наступления в подходящий момент определили успех в нашу пользу, и этот успех утверждается все больше и больше всеми нашими армиями».

В 17 часов 11 сентября Жоффр дает определенные директивы о задачах преследования. Отступающие силы немцев разделены на две группы, одна из которых отступает прямо на север, а другая — в северо-восточном

направлении. 6-я, английская и левый фланг 5-й армии должны охватить с запада часть неприятельских сил, отступающих за р. Эн. 6-й армии с этой целью придается 13-й корпус, перебрасываемый из Лотарингии. 9-я и 4-я армии должны сосредоточить свои усилия против неприятельских сил, остающихся еще на своих позициях в Шампани, стремясь их отбросить к северо-востоку, а 3-я армия, двигаясь прямо на север, между Аргоннами и Маасом, должна стремиться перерезать сообщения противника. 5-я армия — в центре между двумя этими маневрирующими группами — должна быть готова действовать в северо-западном или в северо-восточном направлении.

5-я кавалерийская дивизия 11 сентября переходит далее к западу; ее положение на фланге 1-й германской армии попрежнему остается угрожающим для последней. Однако, это не дает никакого оперативного эффекта. Прочие две кавалерийские дивизии конного корпуса Бриду подходят к Уазе у Вербери, но останавливаются перед разрушенным мостом. 6-я армия, двигаясь попрежнему прямо на север (восточнее Уазы), проходит за день 12—15 *км* и останавливается в 6—7 *км* от р. Эн, войдя в соприкосновение с противником. Англичане, чтобы избежать перекрещивания своих частей с 6-й французской армией, повертываются фронтом на северо-восток. Перейдя Урк, они несколько продвигаются вперед, отстав, однако, от 6-й армии, на одну линию с которой выходит лишь английская кавалерия.

5-я армия делает в течение дня захождение левым крылом, повертываясь фронтом к Реймсу; левофланговый 18-й корпус ее проходит за день около 20 *км;* перекрещивания частей замедляют и без того слабое продвижение вперед союзных частей. Кавалерийский корпус Конно выдвигается к р. Вель, встретив некоторое сопротивление у Фима. 9-я французская армия главными силами выходит на Марну, западнее Шалона. Попытка воздействовать на фланг 4-й германской армии не дает успеха, так как эта армия начала свой отход. Кавалерийский корпус Эспе доходит до Марны, но уже не застает здесь германских колонн. 21-й корпус продвинулся около 20 *км* к Марне, но правое крыло 4-й французской армии все еще остается на р. Соль. 4-я армия располагается, таким образом, под углом, вершину которого образует Витри-ле-Франсуа. 3-я армия остается на месте.

12 сентября кавалерийский корпус Бриду находится на правом берегу Уазы, но вся 6-я французская армия ведет фронтальное наступление против линии р. Эн. Левое крыло ее под артиллерийским огнем противника не может переправиться на северный берег реки. На правом крыле 7-й французский корпус форсирует реку в районе Вик, 45-я дивизия вступает в Суассон. Британская армия подходит к р. Эн в районе Вайи. Кавалерийский корпус Конно попрежнему задержан в районе Фима; лишь к вечеру одна из кавалерийских дивизий переходит р. Вель. 5-я французская армия вытягивается фронтом к Реймсу. Части 1-го корпуса вечером занимают пригороды Реймса. 9-я и 4-я французские армии, переправившись через Марну и Соль, вытягиваются фронтом на северо-восток к Реймсу. Кавалерийский корпус Эспе успевает настигнуть лишь арьергарды отступающего противника. 3-я французская армия приводит свои части в порядок в основном на своих прежних позициях.

13 сентября, утром, французское главное командование дает директиву войскам об изменении общего направления движения всех армий с северо-восточного на северное, имея в виду сдвинуть весь фронт влево и всемерно облегчить маневр 6-й армии на правом берегу Уазы, куда должна теперь перейти вся эта армия, а англичанам предстояло примкнуть свой левый фланг вплотную к Уазе. Однако, пока что по ту сторону Уазы действует попрежнему лишь кавалерия, которая достигла Руа. Монури продолжает наступать фронтально, перебросив через Уазу лишь одну 37-ю дивизию, которая с 11 сентября вошла в состав 6-й армии. Левое крыло 6-й армии переходит через р. Эн и продвигается севернее реки, не встречая сопротивления противника, который здесь, видимо, отводит свои силы. На возвышенности севернее Суассона противник оказывает упорное сопротивление.

5-я группа резервных дивизий и 45-я дивизия не могут перейти р. Эн из-за артиллерийского огня немцев. Англичанам удается перебросить на ту сторону реки лишь отдельные части. В 5-й армии левофланговый 18-й корпус легко переходит через реку и достигает Краонского плато, не встретив сопротивления; кавалерийский корпус Конно также форсирует р. Эн. Прочие корпуса 5-й армии пытаются наступать на восток, но встречают упорное сопротивление немцев на высотах севернее и восточнее Реймса. 9-я французская армия, пройдя несколько

километров в северном направлении, наталкивается на укрепленные позиции противника у подножия Шампанских холмов вдоль дороги Реймс, Верден. 4-я армия, имея уже столкновение с немцами, достигает линии Сюип, Сент-Менегу. 3-я французская армия начинает движение к северу, пройдя около 10 *км*.

14 сентября французская кавалерия на правом берегу Уазы продвинулась дальше к северу от Руа. 13-й корпус находится у Клермона (северо-западнее Вербери). Генерал Монури, рассчитывая выдвинуть свой левый фланг по ту сторону Уазы у Нуайона, действует одновременно во фланг германским силам через Карльпон, однако, 6-я армия оказывается вовлеченной в серьезный бой с противником, который, видимо, занял крупными силами возвышенности к северу от Суассона. Британская армия не может продвинуться вперед. Что же касается кавалерийского корпуса Конно, то он подвергается атакам свежих германских сил и отходит назад на левый берег р. Эн. 18-й корпус с трудом удерживается у Краона. Прочие корпуса 5-й армии не имеют успеха в своих атаках. 4-я и 9-я армии также натолкнулись на сопротивление немцев, которого не могут преодолеть. Лишь 3-я армия в течение 14 и 15 сентября в состоянии продвинуться вперед, продолжив фронт 4-й армии до Вердена.

Марнское сражение на этом было закончено. Немцам удалось ликвидировать брешь между своими 1-й и 2-й армиями. Прибывший из 3-й армии 12-й корпус был двинут западнее Нефшателя. 7-й резервный корпус (7-я армия) усиленными переходами (35—40 *км*, 12 сентября — 60 *км*) двигался к Краону со стороны Мобежа. Сюда же был двинут 15-й корпус. Их совместными усилиями была отбита атака 18-го французского корпуса, наступавшего в разрыв между 1-й и 2-й германскими армиями.

На р. Эн и далее к востоку установился сплошной фронт, который в основном не был сдвинут до конца войны.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ АРМИЙ НА МАРНЕ

Краткое изложение хода Марнского сражения приводит к выводу, что поражение германцев не может быть

объяснено ни болезненностью Мольтке, ни вмешательством Хенча, ни разногласиями Клука и Бюлова, ни преждевременным будто бы решением Бюлова отступать. Все эти частные моменты отходят на задний план перед основными факторами, решившими судьбу сражения.

Неверно утверждать, что поражение германцев было лишь стратегического порядка, тактически же перевес был на их стороне. В действительности в Марнском сражении немцы понесли и тактическое поражение. Этим мы не хотим сказать, что бойцы германских армий сражались плохо или даже хуже, чем в боях, предшествовавших Марне. Истощение или усталость германского войска не успели еще сказаться. Но совершенно бесспорный факт, что французы сражались лучше, чем раньше; высский моральный подъем воодушевлял их. Немцам, там, где они наступали, было оказано стойкое сопротивление. С другой стороны, атаки союзников также нигде не имели успешного результата. Боевые столкновения в итоге приводили к взаимной нейтрализации, к остановке на месте. Это было к выгоде союзников; для германцев же это означало внезапную остановку наступления всей массы войск, разбросанных на громадном пространстве, и вытекающую отсюда дезорганизацию их.

В смысле руководства сражением дело вовсе не сводится к отдельным случайным промахам. В Марнском сражении отказала вся система руководства действиями крупных войсковых масс со стороны германского генерального штаба и высшего командования.

Несомненно сказались штабной бюрократизм, оторванность от войск, искусственный разрыв тактики и стратегии. Связь функционировала скандально плохо. Командующие армиями действовали самостоятельно, без связи с соседями, совершенно не учитывая новых особенностей войны, действуя по старым рецептам времен еще войны 1870—1871 гг. Французское высшее командование, хотя и не проявило гения и блеска, имело на своей стороне тот плюс, что стояло ближе к войскам, более полно и своевременно было информировано об обстановке, конкретно руководило действиями войсковых соединений в ходе сражения, наконец, сделало уже некоторые выводы из уроков первого месяца войны.

Марнское сражение явилось крахом плана войны германского генерального штаба. И здесь опять-таки нельзя свести дело к одним лишь случайным промахам и ошибкам. Неправильно, конечно, думать, что в плане Шлиффена было уже предопределено поражение германцев. Но отрицательные стороны этого плана сказались со всей резкостью при столкновении с трудностями, которые возникли в его осуществлении; план был слишком абстрактен, не учитывал возможностей войск в маневре такого широкого размаха, не учитывал тактических моментов и т. д. Маневр велся на пределе сил и возможностей войск, и немудрено, что при первых же трудностях внутри маневренной массы возникли опасные трещины. К началу Марнского сражения вместо стройно движущихся по намеченному плану колонн германское войско представляло сбившуюся между Парижем и Верденом массу, части которой действовали стихийно и вразброд.

Французский план войны также потерпел крах в начале войны. Но после поражения в приграничном сражении французское главное командование проявило больше гибкости и оперативности в руководстве действиями войск. Быстрый отход к югу и контрудары на Маасе, Сен-Кантен и Гизе спасли союзное войско от разгрома. 4 сентября был принят новый план наступления, который, хотя и не был осуществлен в своем первоначальном виде, привел к Марнской победе.

Эта краткая оценка действий обеих сторон достаточна, чтобы показать всю лживость утверждений немецко-фашистских казенных историографов, пытающихся всю вину за Марнское поражение свалить на отдельных лиц — Хенча, Мольтке, Бюлова. В действительности в Марнской битве обанкротился германский генеральный штаб. Марна — предостерегающий урок всем агрессорам, несоразмеряющим свои аппетиты с реальными силами и возможностями.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Марнское сражение — чрезвычайно сложное явление, объяснить которое нельзя полностью без учета разнообразных факторов, приведших к конечному результату.

Соотношение сил столкнувшихся империалистических клик, общая обстановка, сложившаяся в момент этого столкновения, должны быть положены в основу объяснения. На этой основе должны быть учтены моменты руководства со стороны высшего командования, о которых сказано выше. Однако, ход и результат Марнского сражения нельзя объяснить без учета ряда новых факторов, характерных для войн современной эпохи и уже ясно обозначившихся в этом сражении.

Впервые в истории сражение велось на таком большом пространстве, такими крупными массами и с такой техникой. Вполне понятно, что оперативно-тактические явления, наблюдавшиеся в сражениях минувших эпох, оказались совершенно иными в этих грандиозных масштабах.

Громоздкие массы пехоты, разбросанные по гигантскому полю сражения, не могли маневрировать с той быстротой и эластичностью, как это бывало в сражениях минувших эпох, происходивших на пространстве всего лишь нескольких километров. Уже поэтому для шлиффеновского маневра требовались новые подвижные средства транспортирования войск и их вооружения. Правда, современная высокоразвитая железнодорожная сеть давала в руки командования орудие мощного стратегического маневра. Но на самом театре военных действий это средство отказывало в силу разрушения железных дорог, невозможности быстро наладить железнодорожное сообщение, длительности и сложности погрузки, наконец, отсутствия нужных железнодорожных путей для маневрирования в масштабе армии, корпуса и ниже. Поэтому в основном пехоте приходилось рассчитывать на свои собственные ноги. Маневр запаздывал и срывался.

Но это снижение оперативной подвижности войск находилось в полном противоречии с требованием быстроты маневра, которое как раз возросло по сравнению с прошлым. Это объясняется тем, что внезапность в условиях современных сражений, даже периода 1914 г., была чрезвычайно затруднена. Движение крупных войсковых колонн быстро обнаруживается. В частности, уже в 1914 г. авиационная разведка оказала войскам крупные услуги. С другой стороны, при наличии не одной, а нескольких армий, всякая операция осложняется той поддержкой, которую атакованная армия может быстро получить от своего соседа. Поле маневра гораздо более ограничено, и потому быстрота маневра получает кар-

динальное значение. Задержка маневра ставит наступающего или обороняющегося сразу же перед лицом новой сложной обстановки. Так получилось с 6-й французской армией, так же вышло и с 1-й германской армией.

В Марнском сражении оперативный маневр представляется поэтому в таком виде, что резко отличается от подобных же действий прошедших войн. Фланговый маневр Жоффра со стороны Парижа ничего общего не имеет с блестящими маневрами такого же типа Наполеона. При правильных действиях со стороны германского командования самое большее, что он мог бы дать,— это установление сплошного фронта на Марне, а не на р. Эн, как получилось в действительности.

Ошибки германского командования, создавшие разрыв между 1-й и 2-й армиями, привели к необходимости их отступления. Движение англичан в эту брешь, охват правого фланга 2-й германской армии силами 5-й французской отнюдь не могут считаться полноценным маневром, так как благоприятный результат явился в данном случае скорее следствием сомкнутого наступления по всему фронту. Контрманевр Клука, помимо ошибки, допущенной командованием 1-й армии в руководстве им, явно показывает невозможность вести операции таким крупным войсковым соединением без новых транспортных средств: войск стало гораздо больше, а времени в распоряжении командования гораздо меньше.

Немощь маневра, с такой очевидностью выявившаяся в Марнском сражении, имела еще и другой корень, а именно — возросшую во много раз силу огня и вызванные этим трудности продвижения пехоты на поле боя, неуспех атак без артиллерийской подготовки. Факты показывают, что всюду в Марнском сражении, где пехота встречалась с бодрствующей и занявшей удачные позиции артиллерией противника, наступление приостанавливалось. Возникшая задержка использовалась для подброса подкреплений обеими сторонами, что вызывало тенденцию к образованию сплошного неподвижного фронта. Этот процесс с полной ясностью можно проследить на примере боев на р. Урк, хотя, конечно, явления позиционной войны выступают здесь еще в зачаточной форме.

Французская артиллерия в Марнском сражении действовала с большим успехом, примеры чего были приведены выше. Возникает вопрос, чем вызвано

преимущество этой артиллерии, если учесть, что в пограничном сражении и вообще в первые недели войны применение немецких полевых гаубиц дало такой разительный эффект?

Нужно сказать, что в Марнском сражении немецкая артиллерия, например на Урке, полностью подтвердила мощность своего действия, остановив наступление 6-й французской армии. Новое, что показала в Марнском сражении французская артиллерия, состояло в искусном укрытии орудий, ведении огня, как правило, с закрытых позиций и непременной поддержке пехоты артиллерийским огнем. Уроки пограничного сражения были осознаны и усвоены.

Германское командование проявило небрежность в этом вопросе: пехота шла в атаку без артподготовки и артподдержки, что вело к громадным потерям и бесплодности атак. В результате оказался возможным тот факт, что на большом протяжении Марнского сражения боевая линия не сдвинулась ни в ту, ни в другую сторону. Маневр развивался лишь в районах, не занятых еще войсками противника,— вот почему такое значение получили бреши в расположении армий обеих сторон.

Замедленность движений, затрудненность маневрирования, неповоротливость и громоздкость масс войска, разбросанного на огромном пространстве, приводили к той тягучести в развитии событий, которая так характерна для Марнской битвы. Решающую роль играет уже не маневр, а крепкая сцепка частей, взаимно гарантирующих друг друга от охвата и проникновения противника в тыл. Словом, стихийно возникает и одерживает верх тенденция к образованию сплошного фронта, который в сущности уже наметился в Марнском сражении.

Однако, при всей этой замедленности динамика движения все же существовала в Марнском сражении. Удар во фланг германских войск со стороны Парижа хотя и не привел к непосредственному успеху, но имел своим последствием растерянность в руководстве 1-й германской армии. Контрманевр ее осуществлялся скачками; силы 1-й германской армии были разрознены и разбросаны во все дни Марнского сражения, кроме последнего, когда уже было поздно. Скованная на Урке 1-я армия не могла противостоять движению англичан, направлявшихся ей в тыл. Таким образом, маневр, задуманный

французским командованием, дал конечный успех, но в другом направлении.

Конечное объяснение Марнского сражения следует искать в динамике его, а не просто в соотношении сил противников и в расположении их на поле боя (например, положение 6-й французской армии на фланге германского войска, брешь между 1-й и 2-й армиями и т. д.). 6-я французская армия в силу внезапности ее удара сковала 1-ю германскую армию на Урке и тем дала время для продвижения англичан и 5-й армии в брешь между 1-й и 2-й германскими армиями. Но это время могло быть использовано лишь благодаря скованности прочих германских армий, благодаря тому, что на остальном протяжении сражения обе стороны нейтрализовали друг друга. Этот фактор времени, движения, темпа развития маневра в Марнском сражении имеет чрезвычайно важное значение; оно изложено нами обстоятельно в другой нашей работе («Темпы операции», Воениздат, 1936 г.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор майор *Подорожный*
Техн. редакторы: *Фрумкина* и *Горбунова*
Корректоры: *Крель* и *Косоурова*

Сдано в производство 17.5.38
Подписано к печати 4—19.8.38

Формат бумаги 84×108/32
Объем 5 печ. л. + вкл. 1/2 печ. л. 5 уч.-авт. л.
В бум. листе 146.432 знака

Уполн. Главлита № Г—9679
Изд. № 267
Зак. № 341

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3

ТЕАТР
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
О ФРАНЦИИ И БЕЛЬГИИ
В ВОЙНУ 1914–1918 г.г.

МАСШТАБ

20 0 20 40 60 км

Галактионов

Схема 1.

Галактионов

Схема 2. Сражение на Марне. Положение сторон к утру и вечеру 5 сентября 1914 г.

Галактионов

Схема 3. Сражение на Марне. Положение сторон к утру и вечеру 7 сентября 1914 г.

Галактионов

Схема 4. Сражение на Марне. Положение сторон к утру и вечеру 9 сентября 1914 г.

Цена 1 руб.